

Землянин

Автор:

Роман Злотников

Землянин

Роман Валерьевич Злотников

Землянин #1

Говорят, у попаданца – не жизнь, а рай. Да и как может быть иначе? И красив-то он, и умен не по годам, все знает и умеет, а в прошлом – если не спецназ, то по крайней мере клуб реконструкторов, рукопашников или ворошиловских стрелков. Так что неудивительно, что в любом мире ему гарантирован почет, командование армиями, королевская корона и девица-раскрасавица.

А что, если не так? Если ты – обычный молодой человек с соответствующими навыками? Украденный неизвестно кем и оказавшийся в чужом и недружелюбном мире, буквально в чем мать родила? Без друзей, без оружия, без пищи, без денег. Ради выживания готовый на многое из того, о чем раньше не мог и помыслить. А до главной задачи – понять, что же произошло, и где находится твоя родная планета, – так же далеко, как от зловонного нутра Трущоб – до сверкающих ледяным холодом глубин Дальнего Космоса...

Роман Злотников

Землянин

Часть I

Глава 1

Палера ждал его у конуры, сидя на корточках и механически двигая челюстями. Когда Ник появился в поле зрения сигарца, челюсти Палеры сделали особенно резкое движение, а глаза, еще мгновение назад тупо глядящие в одну точку, слегка развернулись и сфокусировались на нем. После чего последовал смачный плевок, освободивший пасть Палеры от почти потерявшего изначальный ярко-розовый цвет комка «брера»[1 - Местный легкий наркотик наподобие бетеля.], и его губы раздвинулись в гримасе, которую сам Палера, вероятно, считал доброй улыбкой. Похоже, прежде чем «уплыть» под влиянием «брера», сигарец установил в настройках наносети дежурный идентификатор на Ника, и тот подал сигнал, едва только землянин появился в поле зрения остекленевших гляделок Палеры.

– Оха, белый! Каиз нашел новую цыпочку. У нее почти такая же светлая кожа, как и у тебя, и она только что «продалась». Будешь сниматься?

Ник молча проследовал мимо Палеры, волоча на спине мешок с добычей. Палера так же молча проводил его взглядом и, сунув руку в нагрудный карман, извлек оттуда кулек с «брерой». За прошедший год Ник успел всех приучить к тому, что лапать его за плечо или как-то еще настаивать на немедленных действиях, расходящихся с его собственными планами, – себе дороже. Так что сигарец, пошуршав дешевым пластиком, вытащил новый розовый комок и отправил его в рот. Он сообщил информацию, для передачи которой его послали, и теперь до получения ответа можно было спокойно «зависнуть».

Войдя в каморку, Ник скинул на пол мешок с добычей и неторопливо разделся. Засунув комок с одеждой в бак ультразвукового очистителя, он протянул руку вверх, выдернул из хлипкого косяка двери гвоздь и отработанным движением воткнул его между контактами, торчащими из внутренностей очистителя. И тут же привычно коротко всхрапнул, когда его слегка потрянуло током. Но шум от заработавшего очистителя заглушил этот и так еле слышный звук. Очиститель был старый, найденный на свалке и восстановленный стариком Гамом с

использованием неведь каких деталей. Поэтому он работал плохо, долго и шумно. Впрочем, все эти недостатки напрочь перекрывались его самым главным достоинством: он работал. Ник подобрал мешок и, как и был голый, прошлепал босиком через всю конуру к раковине. Раковина была большая, с парой моек, и занимала почти треть площади конуры. В оставшейся части много места занимал большой железный шкаф, намертво прикрученный к стене, и так же намертво прибитый к стене брус точильного камня. В шкафу Ник хранил все, что представляло хоть какую-то ценность, а камень... камень по местным меркам тоже был ценностью. Небольшой, но ценностью. Он был длинный, поэтому в железный шкаф не влезал. Так что не озабочься Ник прибить его к стене, при первой же его отлучке из конуры местное шакалье точно приделало бы камню ноги. А так... Тот, кто мог бы его украсть, никогда бы не стал этого делать открыто, оторвать же настолько хорошо прибитый здоровенный брус точильного камня тихо и незаметно ни у кого не получится. Это только с виду кажется, что обитатели Трущоб сидят глубоко в своих норах и носа наружу не кажут. На самом деле в каких бы самых безлюдных местах Трущоб ты ни находился, поблизости всегда найдется пара-другая внимательных глаз, обладатели которых не преминут чуть позже слить информацию о том, что они увидели, тому, кто готов за это заплатить. Хотя что-нибудь – от куска выделанной крысиной шкуры, который можно пустить на заплатку, до... да до чего угодно. Может быть, даже до кругленькой суммы в лутах. Хотя деньгами в Трущобах пользовались очень редко. Открытие счета стоит десять лутов, а потом следует выкладывать по три лута в месяц за поддержание аккаунта. Большие деньги для тех, для кого «настричь» двадцатку в неделю – хороший доход. Ну, если бы им пришлось в голову переводить свой доход в деньги, разумеется. В Трущобах царствовал бартер, как это называлось на родине Ника. Здесь это не называлось никак...

Ник вывалил добычу из мешка в раковину, открыл воду и прямо под струей сполоснул мешок. После чего скатал его в комок и положил в сторону. Когда освободится очиститель – мешок пойдет туда. А сейчас у Ника были другие заботы. Он снял с шеи леску, на которой был подвешен ключ от железного шкафа, и, протянув руку, открыл его. В конуре все было близко – протяни руку и достанешь. Выудив с верхней полки четыре крюка, он быстрыми движениями развесил их на проходившей под низким потолком водопроводной трубе, в которой уже лет сорок не было никакой воды, а затем еще одним движением выудил из шкафа одну из своих самых больших ценностей. Разделочный нож.

Дальше все было привычно. Одним движением подвешиваем тушку крысы на крюк, затем несколько движений ножом, и шкурка слезает с тушки чулком.

После чего шкурка падает в раковину, а на соседний крюк вздевается следующая тушка. Крыс он сегодня добыл почти десяток, так что когда последний крюк был занят, Ник, столь же привычным движением, выдернул с боковой полки железного шкафа кривую, мятую алюминиевую кастрюлю, родом все из того же источника немислимых благ и невероятных технических достижений, то есть свалки, и бросил туда одну из ободранных тушек. Следующая из неободранных тут же заняла ее место.

Покончив с разделкой добычи, Ник вытащил одежду из закончившего работу очистителя и, выудив из железного шкафа согнутую из проволоки вешалку, аккуратно повесил ее. Запихнув в очиститель опустевший мешок, он снова запустил грохочущий агрегат и вернулся к добыче.

К тому моменту, когда очиститель справился с мешком, Ник успел разделить тушки и собрать крысиные кости, пленки, сухожилия и остальные отходы в треснутую керамическую миску. Взяв ее, он высунул голову наружу и негромко позвал:

– Тетушка Глио...

Спустя мгновение из соседней конуры высунулась голова, увенчанная торчащими в разные стороны седыми патлами.

– Вот, возьмите.

– Спасибо тебе, Ник, – с жадным придыханием произнесла голова, после чего из дверного проема буквально выстрелили две тощих голых руки, вцепившиеся в миску. – Да благослови тебя Фифра, ты так добр к нам...

Ник с каменным лицом выпустил из рук миску и снова нырнул к себе в конуру. Он ни на секунду не обольщался и не сомневался, что едва только тетушка Глио исчезла в своей конуре, как тут же принялась шепотом ругать его на чем свет стоит и обзывать жадным клухом, забравшим себе все мясо, а ей с бедными сиротками бросившим кости и требуху, как будто крысам. Сироток у тетушки Глио было четверо. И все – непонятно от кого. Причем, судя по тому, что Глио с огромным желанием в глазах бросалась на любое существо мужского пола, появляющееся в окрестностях их конур, она бы не отказалась и от пятого. На постоянных обитателей окрестных конур ей рассчитывать было нечего, здесь ее

знали как облупленную. Впрочем, здесь всех знали как облупленных...

Когда-то давно, когда Ник еще был новичком в Трущобах, он пытался делиться с людьми, которые, как ему казалось, заслуживали жалости и помощи. Но довольно быстро понял, что все, чему его учили родители, книги, школа и так далее, здесь является полной чушью. Здесь жили каждый за себя, и человек, которого ты вчера накормил, мог сегодня тебя обокрасть. Или убить. Нет, не так просто, а чтобы завладеть чем-то ценным. Например, ножом. Или крепкими башмаками. Или тем же точильным бруском. Как говорится: ничего личного – только бизнес. Здесь, в Трущобах, доброта и честность вообще не котировались. Более того, они служили отличной приманкой, ибо человека, знающего такие слова и придающего им хоть какое-то значение, можно было легко развести. Выцыганить у него что-то полезное, например еду, или выставить в качестве приманки и бойца первой линии во время охоты на крыс. Так что добренькие, ау-у, где вы? Вас в Трущобах всегда ждут с распростертыми объятиями...

Вернувшись к раковине, Ник тщательно промыл куски мяса, а затем выудил из железного шкафа несколько купленных «наверху» капсул с приправами. Быстро сделав маринад, он покидал в кастрюлю куски мяса и задвинул ее на нижнюю полку железного шкафа. Крысиное мясо было довольно жестким, поэтому ему предстояло мариноваться несколько часов в очень крепком растворе. Зато потом оно получалось таким мягким и нежным, что просто таяло во рту. Восхитительный вкус! Если ты, конечно, не подозреваешь о его источнике... Нику же пора было переходить к обработке шкурок.

Со шкурками он закончил через час. Развесив их сушиться, вытащил из железного шкафа еще одну кастрюлю и, выудив из нее шесть размягчавшихся шкурок, бросил их в раковину. Вымыв кастрюлю, снова наполнил ее водой и скинул в нее те шкурки из сушилки, которые уже достаточно подсохли. Теперь им предстояло хорошенько отмокнуть. После чего задвинул кастрюлю на место. Пришло время заняться теми шкурками, которые он достал из кастрюли...

* * *

Все началось с того, что он попал «под экспрес». То, что он попал, стало ясно сразу, как только он выскочил из «инсты». Экран просто зарябило от желтых рамок. Коля даже не успел ничего предпринять, как оказался на родной станции в новом клоне. Импланты почти на миллион ISKов ушли псу под хвост. Коля

скинул в корп-чат инфу: «На инсте – ганга гуннов. Не отварпился. Под экспресс:- (», после чего уныло потер покрасневшие глаза и решил выйти из игры. В девять экзамен, а сейчас уже четыре. Надо хоть чуток поспать. Он бросил взгляд на лист распечатки, закрепленный над монитором, на котором было разными шрифтами написано:

«Тебе плохо? Гакнули в джете? Спил ковра? Нет капы? Тебя сфокусили? Заджаммили? Траффик-контроль? Попал в кемп? Обматерили в тимспике? Мало скиллов? Надоело таклить? Не хватает топлива? Кончились батарейки? Умер в лагах? Логофнулся в аггро? Поднули без клона? У тебя короче? За*бало фармить? Забыл пробки? 700 локал? Баланса нет? Не хватает дпс? Проблемы в реале? Сбили дронов? Уснул в плексе? Логинтрап? Не расстраивайся, просто ты играешь в “EVE ONLINE”».

Поначалу этот плакат казался прикольным, но сейчас Коля просто устало мазанул по нему взглядом и, широко зевая, побрел в туалет. Перед тем как падать, надо было отлить. Он вылакал за вечер и ночь банок девять-десять пива (утром посчитаю), и последние два часа оно активно просилось наружу...

Утро выдалось тяжким. Очень. Мобильник был поставлен на шесть повторов и на нарастание громкости звонка на каждом последующем. Если бы не это, Коля вряд ли бы проснулся. А так, уже на четвертом звонке продолжать спать оказалось совершенно невозможно. Пока он, кривясь и морщась, пытался дрожащими пальцами снять блокировку и отключить этот долбанный мобильник на хрен – в очередной раз напомнил о себе мочевого пузыря. По возвращении же из туалета вроде как включилась голова, так что непреодолимое желание рухнуть и спать дальше после взгляда на часы удалось задавить. К началу экзамена он уже безнадежно опоздал, но на сам экзамен успеть еще было возможно. Коля наскоро выпил кофе с бутербродами, почистил зубы, чтобы избавиться от «бодрящего» пивного фона и выскочил из квартиры.

Неприятности начались сразу же. Во-первых, не работал лифт. Когда он, слегка запыхавшись (слегка, поскольку бежал вниз, хоть и с седьмого этажа), выскочил на улицу, то сразу же полетел кубарем, поскользнувшись на неизвестно откуда взявшемся перед самым подъездом льду. Ну не было ж вчера его... Пребольно саданувшись локтем, Коля на карачках дополз до края накатанного ледяного

пятна (ой, похоже, много народу сегодня с утра навернулось!), после чего, опершись на невысокий заборчик, попытался подняться и... (ну если уж не везет, так во всем!) резанул руку о какую-то торчащую из заборчика железяку.

– Твою же ма-ать! – обессиленно взвыл он в пространство. – Ну что ж за утро подлянок такое?..

Коля всхлипнул от обиды и, так и оставшись сидеть, сунул рассаженный палец в рот. И это были последнее, что он помнил о доме...

* * *

Покончив с очисткой отмякших шкур, Ник вытащил снизу железного шкафа герметично закрывающийся контейнер и, ухватив уже с верхней полки пару затычек, сделанных из желтоватой начинки выкинутого на свалку фильтра, привычно засунул их себе в ноздри. И только затем открыл контейнер.

Снаружи слышался кашель. Ну да, сейчас по округе разнеслась такая вонь, что у непривычного к этому Палеры, похоже, дыхание перехватило. Но Ника это совершенно не волновало. Вывалив из контейнера в раковину жутко воняющую массу, он сполоснул его под струей воды, после чего как был, голый, вышел из конуры и завернул за угол. За углом стоял ящик, наполненный сухим крысиным дерьмом. В обязанности «сироток» Глио входило, чтобы этот ящик не пустовал, равно как и большой двухсотлитровый бак для воды, установленный на крыше конуры Ника. Именно за это он и отдавал им крысиные кости, требуху и остальное. Кроме шкур, жира и мяса. Шкурки, жир и мясо нужны были ему самому.

Загрузив в контейнер достаточную порцию содержимого ящика, Ник вернулся в конуру и поставил контейнер под кран. Крысиное дерьмо, смешанное с обычной солью, оказалось великолепным дубильным раствором для крысиных шкур. Вот только сырое оно жутко воняло. Настолько, что напрочь забивало даже ту вонь, которая постоянно царила здесь, в Трущобах. И сейчас Нику как раз и предстояло его намочить.

Закончив с приготовлением раствора, Ник осторожно погрузил в него обработанные после вымачивания шкурки и завернул крышку. Но вытаскивать

затычки из носа было еще рано. Пока запах развеется, пройдет не менее часа. Тем более, что шкурки, вытащенные из контейнера, были пока не промыты и не обработаны, и поэтому так же продолжали служить источником вони...

* * *

Очнулся он резко, сразу. Вроде как еще мгновение назад сидел на льду и снегу, посасывая ранку на пальце... и вот уже зашелся в кашле от невообразимой вони, ударившей по ноздрям.

Черт, как же здесь воняет!

Коля с трудом остановил кашель, продолжавший рваться из горла, и, опершись руками о землю, попытался перевернуться на спину. Это удалось не с первого раза, потому что руки сильно дрожали, да и сил было как-то... маловато. Как будто с большого бодуна или после тяжелой и продолжительной болезни. Причем, болезнь, похоже, была более вероятной, потому что других признаков похмелья не наблюдалось. Но, как бы там ни было, на спину перевернуться удалось, и Николай, все еще с трудом сдерживая очередной приступ кашля, посмотрел в... небо? Ага, щаз! То, на что уставились его глаза, было чем угодно, но только не небом. Да что, черт возьми, происходит?! Коля несколько мгновений пялился на странную картину, раскинувшуюся перед его глазами и чем-то напоминавшую ту, которую, вероятно, видят космонавты, пролетающие над ночной землей, а затем повернул голову и посмотрел направо. Ни то, что он увидел сверху, ни то, что открылось его глазам сбоку, не давало ответа на самый главный вопрос, который сейчас стоял перед ним: Где это я?

Сесть Николай попытался только минут через десять, когда понял, что все, что доступно для обозрения из позиции «лежа на спине», ни на йоту не приближает его к так требующемуся сейчас ответу. Поэтому его желание хотя бы немного увеличить угол зрения выглядело вполне логичным. Сесть оказалось не так-то и легко, потому что, как выяснилось, слабость никуда не делась. Однако русские, как известно, способны справиться с любыми трудностями, была бы цель. Тут она была, поэтому Коля, в конце концов, сел. Вот только особенной пользы от этого не появилось. После краткого изучения окружающего пространства не только не появилось внятного ответа, но и вопросов заметно прибавилось. Куда делся снег? Где его одежда? И ботинки? Что за хрень нависает над головой? И как он попал на эту свалку? Николай попытался вздохнуть, но получился не

вздых, а какой-то испуганный всхлип. И в этот момент откуда-то из-за неясно видимых в царящем вокруг сумраке то ли строений, то развалин послышался хриплый голос, который произнес с вопросительной интонацией: – Эке суевар кхунз?..

* * *

Со шкурками Ник окончательно закончил, когда уже совсем стемнело. Для этого пришлось достать из шкафа и включить налобный фонарик. Он, как и большинство вещей в Трущобах, также был найден на свалке и, прежде чем попасть к Нику, прошел через множество рук, поэтому его накопитель был почти нерабочим. Заряда, который он успевал накопить за пару дней, хватало всего на час-полтора, в то время как в начале своей жизни фонарик мог работать непрерывно месяцами, а то и годами. Впрочем, Ник не настолько хорошо разбирался в характеристиках новых бытовых устройств, зато, как и большинство обитателей Трущоб, довольно неплохо разбирался в особенностях тех, что были выброшены своими хозяевами... Но на работу со шкурками запаса накопителя обычно хватало, и это было хорошо. Потому что у Ника все было отработано, и малейший сбой мог бы полностью нарушить весь его налаженный конвейер. Да, это был настоящий конвейер, потому что весь процесс обработки крысиных шкур занимал девять дней. В конце этого процесса у Ника в руках оказывалась тонкая кожа весьма приличной выделки, из которой можно было уже изготовить какую-нибудь поделку. Ремешок там, сувенирчик, какой-нибудь, типа фенечки ручной работы из тонких полосок кожи, или перчатки... Так что на обработке шкур этот конвейер не заканчивался. Предстоял еще один этап, но его Ник отложил на завтра. Путь «наверх» на мусорном транспорте занимал около часа, и за это время он вполне успеет изготовить десяток-другой поделок. С гибервиратором, который способен соединять без шва даже такие разнородные материалы, как ткань и стекло или металл и дерево, это было не такой уж сложной задачей. Гибервиратор, как и все используемое жителями Трущоб, был стар, почти не работал, но на тонкую кожу его оставшегося ресурса еще хватало. А двадцать крысиных тушек, которые Нику пришлось отдать за работу старику Гаму, он сейчас был способен добыть всего за две-три охоты. Сейчас... А ведь сначала добыча даже одной крысы была для него почти непреодолимой проблемой...

* * *

Язык Николай выучил довольно быстро. Ну не весь, конечно, но запомнить сотни три слов, благодаря которым он сумел начать вполне связно общаться с дюжиной личностей, ошивавшихся в радиусе километра от той кучи мусора, на которой он очнулся, сумел дней за двадцать. Как и несложные правила сигарийского, явно испытавшего на себе упрощающее воздействие Сети. На Земле такое воздействие Интернета уже стало вполне заметным, а что уж говорить о Сигари, на которой Сеть существовала уже почти столетие... Нет, связный разговор у него начал получаться только месяца через три, но строить фразы типа: «Еда. Греть» или, там, «одежда. Ходить» он начал уже дней через семь. А через двадцать набрал такой объем слов и понятий, который практически полностью перекрыл все его потребности. Как выяснилось, их у него не так уж и много. Ну, в смысле, насущных. Пожрать вовремя, да поспать, чтоб никто не прирезал. Хотя последнего поначалу можно было не особенно опасаться. Просто так в Трущобах не резали никого. Только по делу. А по делу Колю пока было резать не за что. Ну не было у него ничего, за что стоило бы подрезать человека. Так что ему, можно сказать, повезло с тем, что он попал в Трущобы голым и босым. Иначе он мог бы и не очнуться. А так... ну кому нужно голое тело?

В то же время никто здесь, в Трущобах, совершенно не собирался помогать этому телу выжить. Сумеет – его счастье, а нет... Ну, на нет, как гласит старая русская пословица, и суда нет. Мучиться какими-то моральными проблемами по поводу безвременной гибели никому здесь не известного голого тела никто в Трущобах не собирался... Поэтому первые трое суток Коля провел совершенно голодным. Причем, первые сутки – исключительно по собственной вине. Побрезговал...

На небольшую кучу мусора, от которого шел легкий запах чего-то съедобного, он наткнулся часа через три после того, как очнулся в этом совершенно непонятном месте. Есть уже хотелось. И сильно. Но рыться в мусоре ради еды? Он что, бомж? Так что около получаса Коля ходил вокруг этого места, не решаясь разрыть кучу и посмотреть, что это там так вкусно пахнет, но и не в силах совсем уйти от столь соблазнительного запаха. Несмотря на то что парень изо всех сил убеждал себя, что дело вовсе не в запахе и что он вообще никогда в жизни не опустится до подобного... до тех самых пор, как трое мужиков, от которых он несколько часов назад и услышал те непонятные слова, не вынырнули откуда-то из сумрачной мути, являющейся здесь, как он это узнал много позже, белым днем, и не накинулись на мусорную кучу с возгласами, в которых явно звучала неподдельная радость. Ох, как же он потом проклинал себя за эту брезгливость...

* * *

Тщательно прибравшись и заперев в железный шкаф результаты своих трудов, Ник натянул вытащенную из ультразвукового очистителя одежду и вышел наружу.

– Ну что, идем?

Палера отозвался не сразу. Похоже, в ожидании Ника сигарет сжевал не менее шести порций «брера», так что поплыл он капитально. В Трущобах это было опасно. Вполне могли обокрасть и даже прибить: на Палере было немало того, чем любой трущобник с удовольствием бы поживился. Взять хотя бы штаны. Крепкие континентальные «фагро», даже с еще работающей подгонкой по фигуре и «личными» застегжками, расстегнуть которые мог только хозяин. Но в этих конурах знали, что Палера – человек гра Агучо. А каждому в Трущобах было известно, что связываться с гра Агучо может только полный идиот. Даже если в качестве приза выступают такие отличные штаны...

– Идем, белый, идем. Гра уже тебя заждался.

Ник только поджал губы и молча двинулся вперед.

До конур гра Агучо они добрались через полчаса. Сам гра занимал восемь конур в самом центре поселения, попасть в которые можно только пройдя сквозь два ряда расположенных по периметру жилищ. Первый ряд занимали обычные жители поселения, а во втором, поближе к центру, селились исключительно прихлебалы гра.

– Привет, Ник, привет, мальчик мой, – радушно поприветствовал его гра. – Рад, что ты нашел время заглянуть ко мне. Как твои дела? Как здоровье? Мне рассказывают, что ты по-прежнему охотишься на крыс в одиночку. Ты смелый мальчик, но глупый, глупый... Ты давно уже мог бы оставить это опасное занятие, если бы последовал советам старого гра, – Агучо скорчил печальную рожу и смежил свои маленькие свинячьи глазки. Он был толст, и даже просто жирен. Но это там, где-то далеко, в другом, близком к небу и звездам мире,

подобная фигура со свисающими с боков и живота складками жира смотрелась бы отвратительно обрюзгшей. Для обитателей же Трущоб она означала только одно: гра может есть когда захочет и сколько захочет. Причем, даже не есть, а жрать. И точка! А это для большинства обитателей Трущоб было просто несбыточной мечтой...

– Ну ладно, не стану мучить тебя своими стариковскими страхами. Будешь знакомиться с девочкой?

Ник молча кивнул, и гра указал ему на дверь смежной конуры.

Девчонка была симпатичной и очень молоденькой. По местным меркам – лет восемь... По земным – шестнадцать-семнадцать. Или просто так выглядела. Впрочем, скорее всего, так и было на самом деле. Трущобы – не то место, в котором можно долго сохранять молодость и красоту. Хотя, может, она попала в Трущобы недавно... И еще она боялась. Сильно. Но на это Нику было наплевать. Здесь, в Трущобах, была полная свобода. Можно было все. И всем. Настолько, насколько каждый мог себе это позволить. То есть, сделать что-то и не получить взамен ржавый заточенный гвоздь в бок или комок «серой плесени» в морду в тот момент, когда ты идешь каким-нибудь темным переулком. Интересно, если бы сюда засунуть всю ту толпу, которая там, на Родине, в Москве, так регулярно и остервенело, с поджогом фальшфейеров и драками с ОМОНОМ, требовала свободы, долго бы они здесь протянули? Может, и долго. Даже, может быть, целый день...

– Знаешь, кто я? – поинтересовался Ник, присаживаясь рядом.

– Гра Агучо сказал, что придет партнер.

Ник молча кивнул и приказал:

– Встань.

Девчонка послушно встала.

– Пройдись... – хм, неплохо. – Сними блузку и повернись... – еще лучше. Попка орешком и такой славный «треугольник Микеланджело» чуть выше, на

пояснице. Отличная фактура. Уж после почти года съемок Ник разобрался в этом достаточно хорошо.

– Наклонись и прогни спину... – и грудь неплохая. Для этого-то возраста, так и вообще супер. Что ж, значит, стоит согласиться...

– Что делать надо будет, знаешь?

Девчонка густо покраснела. Ох, и ни хрена ж себе! У нас в Трущобах еще встречаются краснеющие девочки? Да что за нах?!

– Давно в Трущобах?

Девчонка бросила на него испуганный взгляд.

– Я... мне... мы... два месяца.

– И уже продалась? – удивился Ник.

– Я... у меня кончились деньги.

– И что?

Девчонка так удивленно воззрилась на него, что Ник невольно почувствовал себя идиотом. Ну да, конечно, а как же – надо же было спросить такую глупость! У человека кончились деньги, и он тут же согласился идти сниматься в подпольном порнофильме. Ведь девочку явно не били и вообще никак не прессовали. Взгляд не тот. И краснеет так миленько... Так что все понятно и естественно. Разве ж может быть по-другому? Ну не работать же? Что здесь за работа-то? Гря-язная, и за гроши. И не тряпки же свои продавать? Они же красивые. И дорогие. Здесь за них точно цену не дадут. Да что там, цену. Здесь за них не дадут и десятой части цены. Блузка-то явно из натуральных волокон – такая не меньше пяти сотен лутов стоит. И потом, если их продать – в чем ходить-то? В тех обносках, в которых местные ходят? Фи, как можно даже подумать такое! Лучше уж в порно сняться. Ник стиснул зубы. Да какое его дело-то...

– Значит, так. Съёмки будут завтра, с утра. С вечера не ешь, а с утра сделай клизму. Ну да тебе все объяснят...

– А это... больно?

– Девственница? – еще больше удивился Ник.

Девчонка снова густо покраснела и буркнула:

– Нет.

Понятно, значит гра уже проверил. Вот фрукт, усмехнулся Ник про себя. А вслух ответил:

– Да, но со мной – не очень. Притерпеться сможешь быстро.

Девчонка испуганно уставилась на него, а потом тихонько прошептала:

– Я... это... я только с тобой буду?

Ник не ответил. А что тут отвечать? Гра совершенно точно заставит ее сниматься и с другими. Возможно не сразу, но точно. Она что, думает актрисой стала? Да хрен там – шлюхой! Причем полной. А шлюха хозяину никаких условий выкатить не может. Хотя гра вряд ли ее сразу в полный оборот пустит. Попридержит, посмотрит, как их первый ролик в Сети примут. Если хорошо – сделает еще несколько. И вот уже потом, когда ее наивная свежая мордашка примелькается, – пустит в оборот. По полной. Групповуха, зоофилия и так далее. Но, при удаче, неделя у них с ней есть. И ей – втянуться, и ему – сбросить сексуальное напряжение. Потому-то он когда-то и принял предложение гра немного посниматься. Женщину хотелось сильно, а трахаться с обительницами Трущоб не тянуло совершенно. Хотя среди них желающих покувыркаться с Ником было хоть отбавляй. А что, по сравнению с подавляющим большинством других обитателей Трущоб мужского пола он выглядел куда как аппетитнее. Хотя в этом, скорее, была не его собственная заслуга, а Лакуны. Не встретиться Ник с ним – превратился бы в точно такое же зачумленное существо, как и все окружающие... Так что предложение было очень обширное, но уж больно страшненькое. Та же тетушка Глио столько крови ему попортила, прежде

чем удалось ее отвадить. Ник некоторое время даже всерьез рассматривал вариант отрубить ей пару пальцев на руках. Ну, чтобы не совала их, куда не следует. Впрочем, и предложение гра Агучо он принял далеко не сразу. Гра его обхаживал очень долго. Прямо слюни пускал. Ник даже начал опасаться, что тот из этих, ну... цветной ориентации. Кстати, как позже выяснилось, таки да. Но ему, видите ли, голый секс не нужен. Только любовь. Романтик, бл... Так что насчет насилия со стороны гра Агучо в отношении себя любимого Ник мог не опасаться. А вот как на фактурного актера гра на него облизывался. Ну как же – белая кожа, темные волосы, атлетическое сложение и... кхм, «инструмент» достойных размеров. Короче, гра его долго обхаживал. И когда Ник понял, что, кроме очень хорошего по меркам Трущоб заработка, у него, с его брезгливостью (от которой, правда, сейчас остались жалкие ошметки), другого шанса хоть как-то утолить сексуальное голодание нет и не предвидится, то согласился. И не сказать, чтобы скрепя сердце. Просто обдумал все и согласился. А ведь, скажи Нику кто на Земле, что он будет сниматься в порно – ржал бы как лошадь. Или избил бы. В кровь. С членовредительством. А сейчас ты гляди, и не екнет ничего...

– Двести лутов, – сказал он, выйдя из комнаты. Гра Агучо печально вздохнул:

– Какой ты все-таки меркантильный, Ник. Это же девушка, и, сам видишь, красивая. Неужели в тебе совсем нет романтики? Как вышел – сразу о деньгах. – Он еще раз вздохнул и продолжил уже более деловым тоном: – Ладно. Завтра с утра?

Ник молча кивнул. Ну конечно гра слушал их разговор. А как же иначе-то?

– Завтра снимаем изнасилование, – продолжил гра.

– Я никого насиловать не буду, – набычился Ник. Поскольку гра обхаживал его очень долго, Нику удалось при заключении договора обговорить кое-какие предпочтения. Так, например, где, когда, с кем и в каком виде – определял он сам. – Мы договорились...

Гра Агучо досадливо сморщился и махнул рукой:

– Да помню я, помню. Но здесь этого и не понадобится. Девочка горячая, заведется быстро... – ну точно опробовал. – А чтобы она начала – порвешь на ней

тряпки. Сразу же начнет визжать и царапаться. Она тут Чифа чуть не убила, когда он ей юбку неаккуратно снимал. Так что завтра береги глаза, – хохотнул гра.

– Тогда двести пятьдесят, – уточнил Ник. Он собирался сделать все требуемое перед тем, как отправиться на работу. После того, как хорошенько выспится. А появляться на работе с расцарапанной мордой – не есть комильфо. Он слишком долго искал место там, «наверху». «Выше» не очень любят брать на работу тех, у кого имеется только бесплатная наносеть. А в Трущобе только таких и встретишь. Впрочем, Ник не ставил себе гражданскую модель не только потому, что у него не было денег. В конце концов, начальный уровень гражданской наносети стоил всего тысячу лутов и ставился практически автоматически при заключении контракта на работу. А у него, в отличие от остальных обитателей Трущобы, индекс социальной адаптации равнялся нулю, а не уходил в отрицательную зону. Так что реши он просто выбраться из Трущоб – достаточно только подняться наверх и зайти в любой центр по трудоустройству. И все. Как он уже упоминал, гражданская сеть первого уровня ставится автоматом при заключении первого же рабочего контракта. А может, даже ему могли поставить и что-то повыше первого. Смотря какие показатели покажет при тестировании. И надежда на то, что результаты окажутся высокими, была очень небезосновательной. Людей, во всяком случае простых, здесь учили немногому и весьма посредственно. А зачем, если большинство знаний и навыков, необходимых в будущей профессии, человек приобретал путем установки баз? У Ника же за плечами была школа и четыре курса университета. Особенно полезных знаний для мира, в который он попал, эти учебные заведения ему не дали, тут, скорее, больше помогла фантастика, но уж что-что, а мозги все одно развивало весьма неплохо. Так что, по их с Лакуной прикидкам, он вполне был способен рассчитывать даже на высший седьмой уровень гражданской наносети. Но обычная гражданская сеть – это клеймо. На всю оставшуюся жизнь. В отличие от бесплатной, переустановить ее невозможно. Как, впрочем, и любую другую, кроме, опять же, бесплатной. Что поставил – с тем и живи. Бесплатная – это даже и не наносеть вовсе. Просто так называется. А на самом деле всего один имплант. Простенький. Их еще и в ошейниках для домашних животных используют. Гражданская же – уже наносеть. Пусть и слабенькая, способная поддерживать от двух (начальная) до шести имплантов. И так как переустановить ее невозможно, то ему и дальше придется жить, а вернее, прозябать с тем, что установили. То есть, на самых нижних уровнях социальной лестницы. И о том, чтобы подняться хотя бы на средние ее этажи, можно забыть. Напрочь. Не говоря уж о том, чтобы выйти в космос или вернуться домой. Вернее, в космос-то попасть можно. Скажем, уборщиком. Или мусорщиком на

станции. Или оператором погрузочного робота. Или поваром. Выше этого с гражданской наносетью не подняться. Нет, можно еще, конечно, пойти в армию. Военная наносеть куда круче гражданской. Но за все надо платить. И хотя первый контракт всего на пять лет, но после его окончания ты останешься должен демократической республике Сигари от двадцати до пятидесяти тысяч лутов. За установленную сеть и те импланты, которые тебе поставят после того, как определят, в какой области армия будет тебя использовать. Так что большинство военных выходили в отставку лет через тридцать – сорок службы, в зависимости от того, какого уровня сеть и что за импланты им были установлены. Да и сами военные импланты также не очень хороши для обеспечения долгой и активной жизни. Наиболее распространенный срок службы нижних чинов армии и флота – сорок лет, так что военные импланты рассчитаны на то, чтобы выжать из человека максимум именно во время этого срока. Причем, с наименьшими затратами. А что там с человеком будет дальше – военным не очень интересно. Наоборот, чем раньше сдохнет после увольнения – тем меньше пенсию платить. Но Ник не хотел ждать так долго и опасался, что оставшегося после выхода в отставку времени ему не хватит для достижения цели. Поэтому у него был только один выход – инженерная наносеть. С ней уже открывалась дорога в космос. И не уборщиком или мусорщиком, а кое-чем посolidнее. Вот только даже самый начальный уровень инженерной наносети стоил сто тысяч лутов. Сумма по меркам Трущоб совершенно запредельная и просто непредставимая. А если бы обитатели Трущоб знали, как ее собирался израсходовать Ник, то его бы убили. Причем не потому, что это принесет им какие-то выгоды, а по крайне позорному для Ника поводу – просто чтобы не жить рядом с таким идиотом...

* * *

Первые несколько недель в Трущобах запомнились Коле всего двумя ощущениями. И это были отнюдь не шок и не недоумение, а голод и холод. И не то чтобы в Трущобах на самом деле было так уж холодно. Условным «днем» температура, по ощущениям, не опускалась ниже двадцати – двадцати одного градуса. Но для обычного городского жителя, да еще без клочка одежды на теле, подобная температура все-таки была не особенно комфортной. Условной «ночью» было хуже – градусов семнадцать, не более. И вот это уже для голого и голодного Николая было реально холодно. От стыда за свой внешний вид молодой человек избавился уже на второй день, но вот хоть какую-то приличную одежду он сумел отыскать только через месяц. То, что попадалось раньше, он либо первое время не мог заставить себя надеть из-за все той же брезгливости,

либо просто не успевал надеть до того, как это исчезало у него из рук. Первую же приличную рубашку у Коли просто грубо отняли. Прямо так вот, среди бела дня. Пока он стоял и вертел ее в руках, из-за соседней кучи мусора вывернулось двое местных, и Николаю сразу же засветили в ухо. Ну вот безо всяких разговоров. Причем, одним ударом все не ограничилось. Когда Коля упал, его тут же принялись старательно и сноровисто избивать ногами. Слава богу, напавшие на него обитатели Трущоб были довольно мелкими и не слишком сильными. Ну, на таком-то корме... Так что в тот раз все обошлось несколькими синяками и распухшим ухом. Дня через два, когда ему попало нечто вроде бридж, которые Николай решился-таки натянуть на себя, на него налетели четверо детей и, громко галдя, принялись выдирать находку из рук. Причем, действовали они очень согласованно. Один, самый крупный, вцепился в бриджи и тянул их на себя, повисая на них всем телом. Еще двое висели на руках жертвы и, под аккомпанемент собственных воплей, старательно разжимали ее пальцы, а последний, улучив момент, пребольно укусил за ягодицу. Коля от неожиданности взвыл и выпустил бриджи, после чего все четверо мгновенно исчезли за мусорными кучами.

Впрочем, так дело обстояло не только с одеждой. Когда он отыскал в какой-то куче мусора вскрытую упаковку с чем-то вроде хлебцев, треть которых была покрыта плесенью, но остальные выглядели совершенно нормально, насладиться добычей он так же не успел. Ее отняла какая-то бабка с клюкой. Коля пытался защищаться и даже смог, пересилив себя, пару раз ткнуть старую седую женщину кулаком в живот, правда почти инстинктивно сдерживая удар, но бабка весьма ловко приложила его клюкой по голове и, когда он слегка «поплыл», исчезла с добычей.

Где-то шесть недель – точный срок Ник и сейчас не мог бы назвать, хоть тресни, ибо ни часов (хотя бы на мобильнике, как, впрочем, и самого мобильника), ни импланта бесплатной наносети у него тогда не было, – так вот, первые шесть недель он был занят только тем, что пытался выжить. Причем, первые две недели дались ему очень тяжело. Потому что, как выяснилось, по местным меркам он уступает в Трущобах буквально всем. Даже десятилетним детям. Разумеется, не по физическим кондициям. Несмотря на то что Николай никогда не являлся особо продвинутым спортсменом, так – велосипед, плавание, сноуборд, причем несерьезно, на разряд или, там, на участие хотя бы в любительских соревнованиях, а чтобы только перед девушками рисануться, по физическим кондициям он был куда крепче подавляющего большинства обитателей Трущоб. Он уступал в другом, а именно – в непоколебимой решимости вцепиться другому в глотку в схватке за кусок заплесневелой

горбушки или не до конца развалившиеся ботинки. Да вообще, за что угодно, что поможет выжить. Впрочем, кое-какая польза от столь тяжелых недель была – ежеминутная борьба за жизнь оставляла как-то не очень много времени для того, чтобы закопаться во всякие там вопросы типа: «как?», «почему?», «за что?» и так далее. Сначала надо было выжить...

* * *

Добравшись до своей конуры, Ник снова открыл железный шкаф и достал оттуда мешок, изготовленный из материала, по фактуре напоминающего джут, но явно искусственного происхождения, набитый всякой всячиной. В основном – использованной начинкой фильтров, набивкой поломанных сидений флаеров и прочим относительно мягким хламом. Ник раскатал его на полу. Мешок полностью занял все свободное место между шкафом, раковиной и входной дверью. Ну да по этой мерке матрас и шили... Сверху на матрас был брошен валик из материала, используемого здесь в строительстве для изолирования стыков между плитами, и одеяло из крысиных шкурок, обработанных таким образом, что у них сохранился мех. Обработке крысиных шкурок его научил Лакуна...

* * *

К исходу второго месяца пребывания в Трущобах, Николай уже немного освоился и даже обзавелся кое-какой одеждой. Именно что кое-какой, потому что опытным путем выяснилось: надевать что-то, что он, после двух месяцев пребывания в Трущобах и произошедшей вследствие этого деформации всей структуры ценностей и оценок, все-таки мог бы назвать приличной одеждой, ему не стоит. Ибо это сразу же вызывает агрессию окружающих, следствием которой мгновенно становятся обрушивающиеся на Ника побои и потеря им всех приобретений. Смешно: он, как и многие другие молодые люди его возраста, любил фантастику и зачитывался историями про всяких там попаданцев в другие времена, миры и на другие планеты. Так вот, герои всех этих романов либо сразу же становились страшно сильными и могучими воинами, магами и так далее, получив то дар богов, то навыки и умения прежнего хозяина тела, либо делали это спустя некоторое, причем, весьма небольшое время. Поскольку сразу же при появлении в новом мире они попадали в добрые и умелые руки какого-нибудь великого учителя/бога/духа/мага или, на худой конец, обучающего компьютера древней ушедшей расы и тут же начинали усердно

учиться сражаться, магичить или разбираться в инопланетной технике. Несмотря на то, что дома все они сплошь были либо задротами, либо ботанами, либо просто никчемными типами, не только не добившимися в жизни ничего толкового, но, судя по всему, и не собиравшиеся ничего добиваться, а просто плывшими по течению жизни. Ну смешно же, блин! Он вот тоже попал, но, здесь отчего-то его пинают даже дети и старухи.

Впрочем, своего учителя он таки встретил. Хотя и не сразу понял, что это он. Просто однажды днем он наткнулся на худого старика, жарящего мясо...

Как он узнал гораздо позже, Лакуна попал на свалку около пяти лет назад. Как он сам говорил, по собственному желанию. И, по этому же собственному желанию, продолжал здесь оставаться. На первый взгляд – глупое вранье. Ну кому из нормальных людей придет в голову оставаться в Трущобах, если он может их покинуть? Однако, узнав старика получше, Ник ему поверил. Уж больно много он знал и умел того, чего здесь, на свалке, никогда не узнать, даже учитывая то, что наносеть, хотя бы бесплатную, здесь имел практически каждый. Хотя бесплатная и давала очень урезанный доступ в Сеть, но главное ведь не широта возможностей, а наличие желания. Будет желание – и полторы тысячи верст от Холмогор до Москвы пешкодралом протопашь, как Ломоносов, а если его нет – и наличие метро под боком не поможет. Впрочем, возможно, причиной того, что большинство обитателей Трущоб не могло похвастаться таким уж заметным уровнем развития, по основным своим реакциям на внешние раздражители напоминая своих главных конкурентов по месту в выстроившейся в Трущобах пищевой цепочке – крыс, было то, что они были слишком сильно заняты непосредственно выживанием. И интересоваться чем-то, слишком выходящим за пределы того, что способствует этому самому выживанию, просто не могли себе позволить.

Как бы там ни было, Лакуна слишком уж отличался от обычного трущобника, так что предположение о том, что он действительно оказался здесь, на свалке, вследствие неких жизненных обстоятельств или собственного решения, а не просто из-за неспособности отсюда выбраться, вполне имело право на жизнь... Впрочем, все эти выводы Николай сделал гораздо позже. А в ту первую встречу он просто замер, буквально захлебываясь слюной от одуряюще вкусного запаха, которого не ощущал уже целую вечность. Запаха жаренного мяса! Опасаясь приблизиться – поскольку за первые недели существования в Трущобах все его встречи с местными обитателями всегда оканчивались только одним – он был бит, – но и не в силах уйти.

К его удивлению, старик отреагировал на его появление неадекватно. Ну, по меркам Трущоб. Сначала он не швырнул в Колю ничем тяжелым, потом не заорал, созывая сообщников (потому что ну не могло же быть так, что этот странный старик владел таким сокровищем в одиночку), а затем он вообще сотворил нечто абсолютно непотребное: поднял косматую голову, обрамленную снизу клочковатой бородой, и спросил замершего парня:

– Голодный?

Коля судорожно сглотнул и мелко закивал, продолжая, тем не менее, отслеживать все движения незнакомца, дабы успеть вовремя увернуться от броска какой-нибудь палки и нырнуть за ближайшую мусорную кучу. Но старик, сидящий у костра с сокровищем, только покачал головой, ржавой арматуриной выдвинул из середины костра какую-то мятую банку, наклонился над ней и принялся. После чего вздохнул, отодвинул банку вбок от себя и, мотнув головой в ее сторону, произнес:

– Иди, ешь. Мяса тебе, похоже, нельзя – эвон какой тощий. Вывернет. А варево... – но Николай его уже не слушал. Все мысли, весь опыт прошедших недель, все опасения мгновенно вылетели из его головы. И он бросился на банку, как вратарь сборной по футболу в финальном матче чемпионата мира – на летящий в его ворота мяч.

Через пять минут Коля отвалился от опустевшей банки. Мяса в той не было, только какие-то, кости, пленки, хрящи и требуха, но он сожрал все. И впервые с момента попадания сюда в его желудке появилось ощущение некоторой наполненности. До сытости было далеко, но и это ощущение вызвало у парня ощущение незабываемого блаженства. Впервые будущее показалось ему не столь уж страшно-беспросветным. Ну, прямо как в анекдоте про алкоголика, который, стоя в пустой квартире на табуретке с петлей на шее, внезапно обнаружил за батареей случайно закатившуюся туда чекушку. «А жизнь-то налаживается...»

– Ну как, наелся? – спросил старик.

– Да, – кивнул Николай, к которому сразу после вопроса старика мгновенно вернулись все его опасения. И он слегка напрягся, готовый при малейшей опасности сорваться с места.

– Нет, – старик отрицательно качнул головой, – это тебе только кажется. Варевом из крысиной требухи наестся нельзя. Это просто вода с некоторым наваром. Просто ты уже забыл, что такое полный живот, вот тебе и мерещится, что ты наелся. А на самом деле – пара часов, и ты снова голодный.

Еще несколько недель назад сообщение о том, что он только что сожрал нечто, приготовленное не то что из крысы, а просто из того, что дома весьма целомудренно именовалось субпродуктами, вызвало бы у Коли как минимум рвотные позывы и дикое возмущение. А сейчас... Он только покосился на жарящееся мясо и сглотнул.

– Мяса хочешь? – усмехнулся старик. А затем окинул его задумчивым взглядом. – Мне нужен помощник. Я охочусь на крыс, а это довольно опасные твари.

Николай удивленно уставился на старика. Оба-на! Так этот старик – охотник? Он про них слышал. Охотники являлись единственными поставщиками свежего мяса в Трущобах, но их работа считалась чрезвычайно опасной. Местные крысы действительно были очень страшными тварями. Размером где-то с кошку, они обладали такой скоростью и реакцией, что встретиться им земная кошка, она спустя мгновение превратилась бы в крысиный корм. Возможно, поэтому никакой иной живности в Трущобах более не было. Да и люди, скорее всего, также не устояли бы против подобного врага. Их спасало то, что крысы предпочитали жить глубже, в тоннелях, а на поверхность свалки выбирались чрезвычайно редко и, делая это, старались держаться в затененных местах. Ходили слухи, что им чем-то не нравится свет – любой, даже то его жалкое подобие, что лилось сверху, от дорог. Но так ли это, никто толком не знал. Однако, насколько Николай успел узнать, охотники на крыс всегда действовали командами. А старик был один. Впрочем, возможно, другие члены команды куда-то отошли. Хотя... Коля окинул жарящееся мясо оценивающимся взглядом и заключил, что его явно маловато даже для троих. А охотничьи команды, как он слышал, обычно насчитывают не менее пяти человек. Впрочем, какая разница?! Предложение старика давало шанс на то, что и он, Коля, когда-нибудь сможет вцепиться зубами в восхитительное жареное мясо. И вообще, за прошедшее время Николай уже как-то притерпелся к мысли о том, что он сдохнет, но сейчас у него появился шанс по крайней мере сделать это не настолько голодным. Поэтому он еще раз сглотнул и робко произнес:

– Я... я готов.

Старик окинул его уже оценивающим взглядом, тоже вздохнул, но не взволнованно, как парень, а эдак печально, а затем произнес:

– Меня зовут Лакуна...

Глава 2

Пока пустой мусорный транспортер вез Ника «наверх», он успел с помощью гибервератора изготовить пару миленьких перчаток, несколько кожаных ручных браслетиков и три плетенных из кожи налобных повязки. Раньше он делал еще и нечто типа кожаных колец или перстней, но гра Шлиске, владелец лавки, в которую он сдавал свои поделки, перестал их брать. Кольца из кожи почему-то пользовались меньшим спросом среди туристов, поэтому у торговца уже образовался их запас. Чем гра его, Ника, регулярно и попрекал, заявляя, что, купив у заемлянина «зависший» товар, оказался ввергнут в убытки, которые ему Нику, непременно следует хоть как-то компенсировать. Например, отдав Шлиске пару поделок бесплатно или просто скинув от оговоренной цены. Но Ник на это никак не соглашался. Во-первых, далеко не факт, что дело обстоит именно так, как утверждал гра Шлиске, и товар действительно «завис». Вполне возможно, он просто уходит не так активно, как хотелось бы владельцу лавки. И, во-вторых, жмот Шлиске покупал поделки Ника чуть ли не на порядок дешевле той цены, по которой он выставлял их на продажу. Так что если у него даже и залежалось некоторое количество колец и перстней, продав всего шестую часть купленного у Ника, он уже окупил все свои вложения. Поэтому Ник пропускал все его сетования мимо ушей, что заметно раздражало хозяина лавки.

Соскочив с транспортера перед первой камерой обработки, Ник рассовал по карманам свои поделки и, аккуратно спрятав гибервератор, перехватил поудобнее пластиковый мешок с маринованным крысиным мясом. После чего, подойдя к краю трапа обслуживания, вылез наружу, повиснув на руках над Трущобами на высоте семисот конгов. То есть, около полукилометра по земным меркам. Сорвись – костей не соберешь. Здесь, в отличие от более высоких ярусов, не было никаких страховочных полос антигравитации, способных мягко подхватить упавшего сверху и сохранить ему жизнь до момента появления полицейского патруля, который уже и должен был разбираться, что это было – случайное падение, попытка самоубийства или, возможно, убийства. Кстати,

практически все обитатели Трущоб страдали акрофобией[2 - Акрофобия – боязнь высоты.], так что тот путь «наверх», которым ходил Ник, был для них совершенно невозможен. Впрочем, Нику поначалу тоже было очень не по себе, но потом он привык. Человек – тварь жутко адаптивная. Можно только удивляться тому, в каких условиях он способен выживать и даже размножаться, черт побери...

Цепляясь руками за обвеску и лишь кое-где помогая себе ногами, Ник, обогнул первые три камеры обработки и спрыгнул на трап обслуживания перед четвертой. Первые три обрабатывали мусорные контейнеры жутко ядовитыми активными химическими растворами, огнем и жестким излучением, а вот четвертая была предназначена только для одного – для удаления запаха. Именно это требовалось Нику никак не меньше, чем контейнерам. Появись он здесь, «наверху», благоухая ароматами Трущоб, он прошел бы только до первого полицейского патруля. Причем, патруль бы оказался рядом с Ником буквально через пару минут после первой же встречи с кем бы то ни было. Сеть предоставляла отличную возможность любому пользователю немедленно проинформировать родную полицию о любом замеченном им непорядке. Хотя бы даже и просто о вони, исходящей от встреченного пешехода.

Так что хотя воздушно-капельный «коктейль» несколько негативно действовал на кожу и волосы, Нику приходилось нырять в четвертую камеру вместе со всем своим имуществом. Ибо иначе избавиться от запахов было невозможно: вонючие испарения свалки впитывались в одежду, обувь и волосы просто намертво... А ведь сегодня это будет еще и болезненно. Та цыпочка действительно пришла в ярость, едва только затрещала ее блузка, так что вся спина Ника сейчас была сильно расцарапана. Причем, не только спина, но и руки, ягодицы, и даже на лице, так сказать, светилась парочка свеженьких царапин. А на поврежденную кожу воздушно-капельный коктейль действовал будто соляной раствор. Зато когда Ник, тяжело дыша, выскочил из комнаты, в которой производились съемки, с трудом оторвав от себя ту так и не уgomонившуюся демоницу, в которую превратилась девчонка, с которой он сегодня снимался, гра Агучо встретил его сияющей улыбкой.

– Ник, мальчик мой, ты был великолепен! О, какая страсть! – он мечтательно закатил глаза, похоже подсчитывая барыши от размещения в Сети такого явно высокорейтингового ролика. Ник же молча обработал свои царапины салфетками, пропитанными антисептиком и раствором фульфина, самого дешевого средства, служащего для остановки кровотечения и ускорения

заживления ран (больше никаких медицинских услуг гра Агучо персоналу не предоставлял – обойдутся), а затем молча оделся и негромко произнес:

– Мои деньги?

– Ах да... – глаза гра Агучо на мгновение расфокусировались, и спустя мгновение перед глазами Ника всплыла иконка пришедшего сообщения. Ник привычно, одним движением зрачков, распаковал сообщение – все было в порядке, его счет увеличился еще на двести пятьдесят лутов. Он молча кивнул гра Агучо и вышел наружу. Что ж, землянин получил все, на что он здесь мог рассчитывать: и сексуальное напряжение сбросил, и денег заработал. А что касается того, что его исцарапали, – так ничего в жизни не достается просто так. И эти царапины – едва ли не самая дешевая плата за полученное. А ведь останься он тем, прежним Колей, вполне мог бы влюбиться в какую-нибудь подобную сучку, готовую совершенно спокойно трахаться с кем угодно и как угодно, лишь бы получить то, что им казалось «красивой жизнью», но зато порвать рожу за какую-нибудь дорогую тряпку. Ох, как много их было вокруг него в той, прошлой жизни...

Пройдя четвертую камеру, Ник, поеживаясь от боли, двинулся вверх по металлической лестнице, которая спустя два пролета выходила к технологическому люку, выводящему его наружу под платформой одной из монорельсовых трасс. Люк запирался, но простенький электромеханический замок можно было открыть простым гвоздем.

* * *

Этот маршрут показал ему Лакуна. После согласия Коли помочь старику в охоте на крыс они не сразу отправились в тоннели. Лакуна почти неделю откармливал его и проверял, чего Николай стоит. После чего пришел к выводу, что его неожиданное приобретение не стоит почти ничего – слаб, трусоват и безволен. Вследствие чего Лакуна решил, что этот случайно подвернувшийся соратник способен послужить лишь приманкой для крыс и их сотрудничество закончится после первой же охоты. Поэтому он даже не дал молодому землянину ни ножа, ни пики, сделанной из заточенной арматуры, каковые являлись обычным оружием охотников, ограничившись пластиковой трубкой, верхний край которой был срезан наискосок таким образом, что превратился в некое условное острие. Уж чего-чего, а пластика в разном виде на свалке хватало... Так что когда

охотничья команда, состоявшая из Лакуны и Коли, двинулась вниз, в крысиные тоннели, парень даже не подозревал, что обречен, и поэтому был исполнен энтузиазма, подкрепленного тем, что последние шесть дней питался он куда более обильно и сытно, чем все то время, которое провел в Трущобах. Может, поэтому он и решил задать вопрос, который, как позже выяснилось, и решил его судьбу.

– Слушай, – обратился Коля к как обычно молчащему спутнику, – а что там?

Лакуна обдумал его вопрос и понял, что информации для формулировки более-менее точного ответа недостаточно. Поэтому уточнил:

– Где – там?

– Ну, там, наверху?

Лакуна задрал голову и пару мгновений задумчиво разглядывал открывшуюся картину, а затем повернулся к Николаю и спросил:

– А ты как думаешь?

– Ну... не знаю, – задумчиво отозвался тот, продолжая пялиться вверх, чего он не позволял себе уже очень долгое время, – больше всего это похоже на... дороги. Но столько дорог? Зачем они нужны? И почему они проложены там, наверху, а не по земле? И вообще, не совсем понятно, как все тут устроено. Я так и не понял, почему люди здесь на поверхности почти не живут, а живут где-то там, выше. А на поверхности устроили свалку.

– Хм, – Лакуна окинул его взглядом, в котором мелькнуло удивление. – А что ты еще знаешь?

Коля задумался. Большую часть своей пока еще не очень долгой жизни он занимался тем, что получал знания, которые вроде как должны были впоследствии каким-то образом помочь ему найти свое место в жизни. Но при первом же столкновении с жесткой действительностью выяснилось, что практически ничего из того, чему паренька учили на протяжении почти пятнадцати лет, считая школу и первые четыре курса универа, ему не нужно. А

вот из того, что могло бы хоть как-то помочь, он не знает и не умеет почти ничего. Так что сейчас ему впервые подвернулась возможность хоть как-то «продать» хотя бы что-нибудь из того, чему его учили пятнадцать лет. И Николай невольно задумался над тем, как это сделать таким образом, чтобы не только не разочаровать своего спутника, от которого он полностью зависит, но еще и посильнее заинтересовать его. Ибо появление в его жизни этого старика сразу же сильно подняло шансы Коли на выживание в этом мире.

– Ну... если это для тебя не будет слишком занудным, я могу начать рассказ с устройства нашей Галактики? – И Коля тут же прикусил язык от немедленно пришедшей в голову мысли, что он может сейчас находиться не только в той же самой галактике, в которой расположена Солнечная система, но и вообще в другой Вселенной. Однако взгляд, который бросил на него Лакуна, показался ему куда более заинтересованным, чем минуту назад. После чего старик негромко произнес:

– Нет, не будет. Начинай...

* * *

Выбравшись из-под платформы монорельса, Ник дождался зеленого вагончика и проехал на нем шесть остановок, после чего спустился с платформы и свернул в ближайший переулок. На главную улицу путь ему был заказан – здесь начиналась туристическая зона, в пределах которой человек, одетый подобно Нику, смотрелся бы слишком чужеродно. Нет, ничего необычного в одежде Ника не было. Просто она была слишком поношенной, что, конечно, вполне объяснимо. Не говоря уж о том, что все эти вещи уже однажды выкинули, ультразвуковой очиститель работал не слишком хорошо, что еще более увеличивало износ. Но менять одежду на что-либо более приличное Ник пока не хотел, хотя возможности для этого у него были... Однако, если появиться в этом самом приличном внизу, в Трущобах, это сразу же вызовет нездоровый ажиотаж вокруг его персоны. На свалке не знали, что он работает где-то «наверху». Путь «наверх», которым сюда проходил Ник, для подавляющего числа обитателей свалки был невозможен вследствие практически поголовной акрофобии ее обитателей, а все остальные пути были надежно перекрыты системами автоматического доступа, завязанными на сетевые технологии. Попасть даже на первый ярус, на котором находились почти исключительно склады и транспортные коммуникации, имел возможность только тот, кто обладал

основаниями для нахождения здесь. То есть – имел работу. Но заиметь работу возможно было только попав «наверх». А попасть «наверх», соответственно, мог только тот... ну, и так далее. Так что если он появится внизу в относительно новой одежде, это совершенно точно послужит пищей для подозрений. И тогда некоторые личности могут пересмотреть свое отношение к нему. Сейчас они считают, что за то барахло, которое они могут поиметь с Ника, не стоит особенно напрягаться и подвергать свою жизнь опасности схватки с одним из лучших охотников на крыс в этом районе Трущоб. А вот увидев на нем обновки – вполне могут решить попытать счастья. Да и сама одежда также не сможет долго оставаться достаточно приличной, с его-то полумертвым ультразвуковым очистителем и регулярным проходом через четвертую камеру. Так что овчинка выделки явно не стоила...

До сувенирной лавки гра Шлиске он добрался минут через пять. Подойдя к черному ходу, Ник сбросил Шлиске через Сеть сообщение о том, что он уже около его двери, после чего означенная дверь почти сразу же распахнулась.

– Ну, что там у тебя? – недовольно произнес гра.

– Вот, – Ник протянул ему свои поделки. Шлиске с крайне недовольным видом перебрал их, скривился, тяжело вздохнул, потом произнес:

– Шестьдесят три лута. За все. Последнюю пару дней торговля совсем кислая, так что денег нет.

Ник молча убрал свои поделки в карман. Ну, вот почему всегда так-то? Вроде как и цены обговорены, и сотрудничают они уже почти четыре месяца, а все равно этот жмот постоянно пытается заплатить поменьше.

– Подожди, – остановил его Шлиске. – А ну-ка покажи те ремешки.

Ник, все так же молча, снова достал свои поделки. Гра вытянул из кучки вещей головные ремешки, повертел их в руках, потом помял перчатки и нехотя произнес:

– Восемьдесят. И это последняя цена.

Ник молча кивнул, дождался, пока по Сети придет подтверждение переводу средств на его счет, после чего протянул все принесенное гра Шлиске. Тот молча взял и захлопнул дверь. Вот так – ни здравствуйте, ни до свидания. Отдал, получил – и свободен, парень. Ты здесь – никто, и зовут тебя – никак. А не согласен – твои проблемы. Ник криво усмехнулся и, развернувшись, двинулся все тем же переулком в сторону платформы монорельса.

* * *

Первую крысу он убил случайно, и это было просто невероятной удачей. Твари оказались столь сильны, быстры и живучи, что никаких шансов на то, чтобы их прикончить, у того Коли, которым он был в момент встречи с Лакуной, просто не было. Он, будто пенек, брел впереди старика, ничего не видя, ничего не слыша и едва сдерживая рвотные порывы. Причем не из-за какой-то брезгливости, а просто потому, что его организм реагировал на стоящую вокруг дикую вонь таким образом чисто физиологически. Ну еще бы: крысиные тоннели были почти по колено заполнены жижей, основную часть которой представлял из себя раствор крысиного дерьма. Так что атаку крысы Николай банально прозевал. Лишь в последний момент он сумел рефлекторно ткнуть той самой обрезанной пластиковой трубой вперед, в сторону, откуда к нему стремительно приближались круглые, горящие красным глазки. Он успел в последний момент, и этот момент оказался невероятно удачным. Мгновением раньше – и крыса успела бы увернуться, мгновением позже – и обрезанный конец трубы только бессильно скользнул бы по спине или боку твари, а сейчас... сейчас, этот самый обрезанный конец глубоко вонзился в глотку крысы. Вследствие собственной скорости тварь насадилась на трубку всей своей тушкой так, что ее щелкнувшие зубы, мгновенно перекусившие пластик, буквально на волос не достали пальцев Николая. Отчаянно взвизгнув, парень отпрыгнул назад, однако так и не выпустил из рук оставшийся огрызок трубы длиной всего в полметра.

– Неплохо, – слышался сзади спокойный голос Лакуны. – Но если ты не хочешь, чтобы она исполосовала тебя когтями, – перебей ей лапы.

– Что?!! – испуганно пискнул Коля, не смея оторвать взгляда от беснующейся в паре шагов от него твари, но старик больше ничего не сказал. А крыса, между тем, помирать совершенно не собиралась. Более того, она, похоже, намеревалась порвать того, кто доставил ей столько боли. Поскольку прекратила биться на полу тоннеля, разбрызгивая во все стороны вонючую

жижу, и, дрожа, хрипя и пошатываясь (все ж таки полуметровый кол, проткнувший внутренности, никому не добавляет здоровья и силы), поднималась на лапы, разворачиваясь к землянину. Так что Коля, выйдя из ступора, шмыгнул носом, перехватил огрызок трубки поудобнее и, едва ли не зажмурившись, саданул им по передней лапе уже развернувшейся к нему крысы. Та зашипела и попыталась прыгнуть на него, но пронзавший ее организм насквозь трубчатый кол вкупе с поврежденной неумелым ударом лапой, изрядно умерил ее прыть. Так что она лишь кувыркнулась вперед, зацепив ногу Николая когтем на целой передней лапе. Тот взвыл от боли и принялся отчаянно лупить крысу огрыском трубы.

Когда тварь затихла, он еще некоторое время колотил по замершей тушке, а затем обессиленно рухнул в вонючую жижу, покрывавшую пол тоннеля, и разревелся.

– Что ж, будем считать, что удача у тебя есть. А вот оружия больше нет. Поэтому на сегодня наша охота закончилась, – негромко произнес Лакуна. – Бери мясо и иди за мной.

– Я? – всхлипнув, переспросил молодой землянин. Но Лакуна уже развернулся и двинулся в ту сторону, откуда они пришли. Так что Коле не оставалось ничего иного, как сделать то, что ему приказали. Он даже не подозревал, что тот его вопрос и последующий за ним диалог сильно изменили планы старика в его отношении. И он получил шанс на жизнь. Именно этим и было вызвано решение Лакуны о прекращении охоты. Впрочем, дело заключалось не только в вопросе и диалоге. Старик был абсолютным прагматиком и потому все равно решил для начала посмотреть, есть ли у этого никчемного с виду типа удача. Результат охоты показал, что она у него была, ибо, несмотря на то, что тот все сделал неправильно и подставился по полной программе, горе-помощник все-таки выжил и даже убил крысу. Без удачи это было бы совершенно невозможно. А значит, с ним можно было работать...

* * *

До забегаловки, в которой около пятидесяти дней назад он сумел получить место посудомоя, Ник добрался за полчаса до начала своей смены. Он работал здесь через день, получая за одну смену десять лутов. Втрое меньше, чем его сменщик, и вдвое – чем официально установленная минимальная заработная

плата. Но на других условиях его бы никто не взял. А так Ник получил не только кое-какой заработок, но и легальную возможность находиться «наверху» и передвигаться по первым трем уровням Флинске – города, известного самым крупным на планете космопортом. К тому же здесь находился один из шести планетарных лифтов, связывающих поверхность планеты с орбитой.

Сигари была довольно развитой планетой, но этот уровень развития отнюдь не являлся ее собственной заслугой. Дело было в том, что она располагалась в системе, являющейся перекрестком трех довольно популярных торговых маршрутов. Именно вследствие этого Сигари всего за три десятилетия сумела перепрыгнуть от технологий пара и электричества, которыми обладала в момент первого контакта с галактической цивилизацией, к межсистемным полетам. К настоящему времени планета вот уже почти сто лет входила в список первой сотни звездных систем с наиболее интенсивным межсистемным движением. Так что ее обитателям были доступны практически все те же возможности, которыми обладали и обитатели куда более развитых миров. Были бы деньги. А вот психология ее обитателей во многом по-прежнему оставалась психологией людей времени начала индустриального развития. Нет, никакого формального разделения по сословиям или, там, кастам здесь уже давно не существовало, но само по себе разделение – вовсю цвело и пахло. Впрочем, а разве где-то еще иначе? Или в тех же кичащихся своей демократичностью США не существует людей, именующихся как-то типа Генри Форд II или Джон Дэвисон Рокфеллер III? А про демократически избранных президентов с одинаковой фамилией, да еще приходящихся друг другу дядей и племянником[3 - Высшие структуры власти США сплошь пронизаны родственными связями. Например, один из самых известных американских президентов, Франклин Делано Рузвельт, состоял в родственных отношениях аж с одиннадцатью своими предшественниками на этом посту.], или даже отцом и сыном, вы тоже ничего не слышали?..

* * *

Об особенностях здешнего общества ему рассказал Лакуна. После того как узнал, что у Николая нет наносети. Никакой. Вообще. Это случилось в тот момент, когда Коля в ответ на его реплику «Посмотри в Сети» недоуменно переспросил: «В какой?»

Старик сделал еще шаг, затем резко остановился и озадаченно уставился на Николая. Коля так же остановился и сделал шаг назад, настороженно глядя на

него и, одновременно, осматривая окрестности. Как привык...

После первой охоты Лакуна решил взяться за Николая всерьез. Охота на крыс на время прекратилась, но особого облегчения Коле это не принесло. Все началось с того, что старик сказал молодому землянину: если тот хочет, он, Лакуна, готов «сделать из него человека». И подчеркнул – только если Николай этого действительно хочет. А на энтузиазм, с которым молодой землянин горячо заверил его, что просто мечтал о подобном предложении, лишь слегка усмехнулся. Он вообще был очень немногословен.

Что означала эта усмешка, Коля понял в тот же день. Потому что начался он с того, что Лакуна усадил его напротив куска плиты, изготовленной из чего-то похожего на бетон, и ткнул пальцем в несколько точек на осыпавшейся поверхности:

– Это – раз, это – два, это – три. Четыре будет ноготь большого пальца левой ноги. Пять – кончик носа. Произношу цифру – ты максимально быстро касаешься костяшками сжатого кулака правой руки названной точки и столь же максимально быстро убираешь руку на колено и расслабляешь ее, – после чего сел в двух шагах и взял в руку тонкий гибкий шланг.

– Зачем это?

– У тебя плохая реакция. Будем тренировать.

Коля недоуменно пожал плечами и замер, покорно ожидая команды.

– Раз, – негромко произнес старик. Ник поспешно ткнул стиснутым кулачком в указанную выбоину.

– Четыре, – Николай коснулся рукой ногтя большого пальца левой ноги.

– Пять.

– Уй! – Коля вскочил на ноги, обеими руками держась за нос. – Ты... ты чего?

– Слишком медленно, – спокойно произнес Лакуна, опуская руку со шлангом.

– И что, сразу надо бить? – возмущенно поинтересовался Коля. Старик молча пожал плечами и равнодушно произнес:

– Три.

– Да пошел ты! – зло буркнул Николай. Лакуна окинул его спокойным взглядом и, поднявшись на ноги, тихо сказал:

– Пошел вон...

После чего развернулся и двинулся к костру, на котором жарилась очередная крысиная тушка. Коля проводил его недоуменным взглядом, а потом задумался. Это что же, старик его прогоняет? То есть, он опять остается один и... Николай вздрогнул и, бросив робкий взгляд в сторону Лакуны, сделал осторожный шаг к костру. Старик медленно повернул голову в его сторону и уставился на парня равнодушным взглядом. Жутко-равнодушным. Таким, каким он, вероятно, смотрел на мертвых крыс. Коля сглотнул:

– Я... это... я больше никогда... я согласен делать все, что ты скажешь. Всегда. Прости...

Старик несколько мгновений молча смотрел на него, а затем указал бородой в сторону плиты. И Николай понял, что прощен. Но только этот, единственный раз. Больше никакого прощения не будет. И либо он терпит все и остается со стариком, либо ему лучше убежать. Прямо сейчас. Меньше достанется...

К вечеру Николай понял, что все, что он раньше считал побоями, было скорее такой лаской, ну или, максимум, невинной шалостью. А вот сейчас он почувствует, что такое, когда бьют по-настоящему. Болело все – разбитый нос, который Лакуна, похоже, обрабатывал с особым злорадством, пальцы, спина, ребра. Старик прекратил тренировку, когда окончательно стемнело. Встал на ноги, буркнул:

– Плохо, – и двинулся к костру, потеряв всякий интерес к своему молодому соратнику, или, скорее даже, ученику. А тот свалился на бок и молча заплакал.

От боли, от всей той несправедливости, которая обрушилась на него, в общем-то обычного и совсем неплохого парня, от ужаса перед тем, что еще готовило ему грядущее, короче от всего на свете, из-за чего стоило плакать. Потому что он знал, что все это ему скоро предстоит.

– Иди есть, – слышалось от костра, и Николай, кряхтя и постанывая, поднялся на отзывавшиеся болью на каждое движение ноги и побрел к костру.

Следующую неделю они тренировались. Не для охоты на крыс, а в общем. У Коли оказалась слабая реакция, никакая выносливость, полное отсутствие навыков концентрации внимания, общая хилость и недоразвитость организма и еще множество недостатков. Так что Лакуна был к нему совершенно безжалостен. Как понял Ник много позже, он вообще был человеком, не признававшим компромиссов. Ты либо сделал – либо нет. Никаких оправданий типа «да если бы эти уроды не» или «да если бы тот придурок вовремя» для него не существовали. Есть ты, и есть задача, которую следует решить, в чем бы она ни заключалась.

– Человек может все, – тихо рассказывал старик Нику, лежа вечером у костра. – Все, что угодно. Все, что он осознал своей целью. Невозможного нет. Если ты не просто валяешься на пузе, пялясь в потолок и мечтая о чем-то, попутно убивая этим бездельем уйму отведенных тебе богами драгоценных минут, часов, дней, незаметно, но очень быстро складывающихся в потерянные месяцы и годы, а воспринял эти свои мечты как цель – значит, ты их достигнешь. Путь к цели очень легко разбить на отрезки, каждый из которых, взятый отдельно, является некой вполне себе достижимой задачей. То есть, ее уже кто-то когда-то решил. Причем – в схожих с тобой условиях. Тебе же остается самое простое: взять это решение и повторить. И тем еще на один шаг приблизиться к цели.

Коля же лежал рядом, пялясь в горящие высоко над головой пунктиры трасс и думая, что таки да, большую часть своей пока еще не очень долгой жизни он провел как раз за этим – лежал на пузе или спине, пялился в потолок, мечтал, слушал музыку, часами и сутками играл на компе. Даже в универе большая часть его времени уходила отнюдь не на учебу, а на общение с друзьями, обсуждение спортивных матчей, ухлестывание за девчонками и все такое прочее. Та же учеба текла как-то мимо, сама собой, почти не напрягая и не задерживаясь в памяти. Только перед сессиями бывал некоторый всплеск, но весьма недолгий... Он и не задумывался ни о какой собственной цели и жил, как

живется. И только здесь у него она, наконец, появилась – выжить! Именно она и помогает ему терпеть все издевательства старика, которые тот именуется тренировками. Она, цель, а также то, что до встречи с Лакуной Коля успел очень хорошо почувствовать на своей собственной шкуре альтернативные варианты. Вот только «выжить» никак не тянуло на цель жизни. Для жизни надо бы выбрать что-нибудь иное. Впрочем, пока хватало и ее...

* * *

Спустя неделю они вышли на охоту, на которой Коля убил двух крыс. С трудом. Получив довольно болезненную рану на ноге и разодранную кожу на животе. Лакуна во время обоих схваток молча стоял за спиной ученика и не вмешивался. А когда закончилась вторая, буркнул:

– Ну, хоть что-то, – после чего развернулся и, бросил: – Хватай мясо и пошли. Будем учиться дальше.

После чего ад продолжился и даже заметно усугубился. Поскольку задания, которые придумывал старик, все более усложнялись. Здесь не было никаких тренажерных залов, стильных спортивных костюмов, навороченного оборудования, но, как выяснилось, если есть задача, ее решения можно добиться очень простыми средствами. Качать выносливость можно простыми отжиманиями, подтягиваниями и наматыванием кругов вокруг костра, силу рук – кусками стеновых блоков и арматуринами, которые требуется регулярно скручивать в кольцо или спираль, а потом распрямлять, а ловкость – жонглируя камешками. Сначала более-менее одинаковыми, а затем более и более разными по весу, размеру и форме. Так что то первое сидение перед обломком плиты и тыканье кулачком в разные точки Коля теперь воспринимал как игрища в песочнице...

И вот где-то через полтора месяца после начала этого ада, прерывавшегося только на случавшиеся сначала каждую неделю, затем каждые четыре дня, потом каждые два дня, а затем и через день, охоты на крыс, он и пробурчал:

– Посмотри в Сети.

А выслушав недоуменный вопрос Николая, остановился и уставился на него.

– У тебя что, не установлена наносеть?

– Не-ет, – осторожно мотнул головой тот, продолжая уже привычно держать под контролем как окрестности, так и самого старика.

– Хм... – Лакуна задумчиво вытянул губы, а затем спросил: – А как ты попал в Трущобы?

– Я не знаю, – отозвался молодой землянин.

– Как это?

– Ну... это долгая история.

Старик бросил несколько быстрых взглядов по сторонам и, по-видимому, решил, что здесь относительно безопасно. Поэтому он просто уселся на кучу мусора там же, где стоял, и приказал:

– Рассказывай.

И Николай рассказал. Все и с подробностями. К тому моменту набранный словарный запас позволял ему общаться довольно свободно. Где жил, кем был и что последнее помнил перед тем, как попал сюда. Старик выслушал его внимательно, а когда Коля закончил – надолго задумался. После чего тихо спросил:

– А скажи: перед тем, как ты потерял сознание, у тебя не брали образцы крови?

– Да вроде нет, – удивленно отозвался Коля. – Хотя... я порезался. Там какая-то хрень в заборчике торчала, а я на него оперся, когда понимался... То ли гвоздь, то ли заусенец.

Лакуна удовлетворенно кивнул:

– Ясно.

Старик поднялся на ноги и двинулся в ту сторону, в которую они шли до того, как он предложил Коле посмотреть в Сети. Парень молча последовал за ним, изо всех сил борясь со своим любопытством. Но шагов через сорок все-таки не выдержал и осторожно спросил:

– А что ясно-то?

Старик молчал еще шагов двадцать, а потом заговорил:

– Ты – тело.

– К-какое тело?

– Чистое. Нигде не зарегистрированное.

– Но... зачем?

Старик хмыкнул и, наверное впервые, пошутил:

– Ты обладаешь просто неподражаемой способностью очень точно и емко формулировать волнующие тебя вопросы, – после чего, однако, смилостивился и пояснил.

Как выяснилось, любой человек, поставивший себе наносеть, автоматически регистрируется. Причем – по множеству параметров: от рисунка сетчатки и отпечатка графика мозговой активности до формулы ДНК. Так что если что – всякие уловки типа пластической операции или изменения рисунка отпечатков пальцев скрываются от правоохранительных органов не особенно помогут. Достаточно послать авторизованный правоохранительными органами запрос по Сети, и тебя сдаст твоя же собственная наносеть. Просто сообщив в ответ на запрос, что тело с запрашиваемыми параметрами находится в данной точке. Единственная наносеть, которая на это не способна, – это бесплатная. Опять же, благодаря своим крайне урезанным возможностям. Но люди, которым требуется надежно укрыться от преследования, вряд ли будут пользоваться бесплатной наносетью. Разве что очень короткое и ограниченное время. Ибо это сродни тому, как если бы какие-нибудь беглые преступники на Земле, имеющие на руках десятки и сотни миллионов долларов, ради того, чтобы их не нашли,

согласились бы все оставшееся им до смерти время вести жизнь нищего тибетского пастуха, скрываясь от правосудия в какой-нибудь овечьей кошаре и греясь у костра, разведенного из высушенного овечьего же помета. Можете себе представить, чтобы какой-нибудь Березовский согласился на такой образ жизни? Вот то-то... К тому же, даже если сама наносеть тебя не сдаст, то шанс нарваться где-нибудь на стационарный или переносной полицейский сканер все равно слишком велик.

Зато если подобрать чистое и нигде не зарегистрированное тело, а затем провести не слишком сложную операцию – все получается просто прекрасно. Даже свою рожу можно вернуть с помощью пластической операции. И все равно никто тебе ничего не сделает: регистрация-то другая. Вот только в цивилизованном космосе большие проблемы с чистыми телами. Нет их почти. Ну, жизнь так устроена, что все делается через Сеть. Даже денег, кроме как в электронном виде, не существует. Никаких монет или купюр. Да и не каждое тело подойдет. Нужно совпадение по очень большому числу параметров, иначе та самая несложная операция сразу станет довольно сложной и, что едва ли не важнее, удручающе регулярной. Иначе – отторжение и смерть. Так что просто отыскать какую-нибудь забытую колонию или, там, секту, отвергающую использование наносети по религиозным мотивам, также не получится. Выборка получается слишком маленькой, ибо поиск по ключевым параметрам требуется осуществлять среди достаточно большой популяции людей. Если их меньше пятисот миллионов, то и начинать не стоит. Скорее всего, не найдется. А вот Земля необходимым условиям отвечает стопроцентно... Ну а вопрос о крови был задан потому, что для того, чтобы сделать быстрое исследование ДНК, надо получить образец живой ткани. И легче всего для этого подходит именно кровь. Зато приемник исследовательского сканера можно замаскировать практически подо что угодно – от заусенца на металлическом пруте до осколка стекла.

После всего рассказанного Лакуной Николай еще некоторое время сидел, будто оглушенный. Так вот оно значит что... Он читал в Интернете множество историй о пропавших людях. Причем, не о каких-то там бомжах, сбежавших детдомовцах, либо даже ушедших на рыбалку и охоту или имеющих отношение к криминальным разборкам, а о вполне обычных.

Скажем, утром женщина (мать двоих детей, работала мелким чиновником в районной администрации) завела по дороге одного ребенка в детский сад, второго – в школу и села в маршрутку. А на работу не пришла. Пассажиры в маршрутке ее помнят (примерно одни и те же каждый день ездят), от остановки

маршрутки до работы идти пять минут и сто метров. И тем не менее, женщина вышла из «газели» и пропала. Как сквозь землю провалилась. День ее нет, второй. Мужа в разработку взяли, перетрясли всех родственников, школьных и институтских ухажеров. По всем номерам, которые через ее мобилу проходили, отработали. Всю квартиру обшмонали. Ноль. Просто взял человек и пропал. И концов никаких.

Или вот – жил мужик. Жена, ребенок. Все в шоколаде. Зарабатывал прилично. Машина у него новая, «форд мондео», квартира в новом доме, купленная без ипотеки. Утром спустился на лифте в подземный паркинг, сел в свой «форд мондео» и поехал на работу. Но не приехал. Его форд нашли на полпути к работе через несколько дней. Дорога в городе оживленная. Форд припаркован у обочины. Внутри – никаких следов борьбы, никаких признаков насилия, разбоя и т. д.: ноутбук, мобильник подзаряжается от прикуривателя. Машина исправная, стояла заведенной (ключи в замке зажигания, но уже кончился бензин). Ни знака аварийной остановки, ни моргающих поворотников. Все кусты, гаражи, подвалы в округе обшмонали с собаками. Ничего.

Другой мужик – не владелец бизнеса, а просто менеджер средней руки. Жена – врач в военном госпитале. Большой доход (достаточный, чтобы купить жилье и машину) имел от сдачи внаем жилья (у жены три квартиры от родителей и бабушек остались в наследство). Пластиковые карточки специально не блокировали – по ним никаких движений не было и нет.

Или вот еще, вообще страшилка. Молодая мама пошла на молочную кухню за детским питанием: творогом, молоком. Ребенку чуть меньше годика. Обычно бегала на молочку, когда ребенок спит днем. Муж работает на дому – в компе рисует для журналов что-то. Ушла, значит, на молочку и не вернулась. Кормит грудью, то есть к дитю привязана. До молочки ехать на трамвае несколько остановок, но до нее мамочка так и не доехала. Куда делась? Уже год ищут.

А вот детектив прямо. Ехали две семьи на двух машинах в отпуск. День в пути. Остановились на ночлег на окраине города в придорожном отеле. Взяли себе два номера. Утром просыпаются, а одного мужика нет. Его жена и дети спали (весь день в пути – утомление большое) и ничего не слышали. Дежурный администратор (девочка двадцати лет) ничего не видела (призналась, что периодически дремала в подсобке). Дверь в отель на ночь не запирается, а видеокамеры наблюдения только за стоянкой смотрят (там пропавший не появлялся). Машина на месте, сотовый телефон, деньги, паспорт и документы на

машину остались в номере (в куртке). Ушел из номера обутый, но без куртки. Скорее всего, выходил покурить ночью (сигарет не нашли ни в номере, ни в машине). Все обыскали, все окрестности. Никто ничего не видел.

Еще. Парень, самый обычный молодой человек. Несколько лет работал в некой конторе программистом. Жил с девушкой гражданским браком. Купил в кредит машину. Снимал жилье. Обедать ездил домой, на машине. Вот раз ушел на обед, и больше его никто не видел. Хотя дома побывал (девушка, с которой он жил, сказала, что посуда была грязной, когда она вечером пришла с работы, и обед съеден). Машину так и не нашли. Человек был жизнерадостный, веселый, неконфликтный. Долгов (кроме кредита за машину) не наделал. Телефон «вне зоны доступа» стал где-то через час после обеденного перерыва (начальник звонил узнать, почему тот задержался на обеде).

Или пропал сотрудник милиции, капитан. Ладно бы пропал, когда с работы возвращался, с дежурства, с усиления – тогда бы еще можно было предположить, что купил бутылку пива, с кем-то встретился и т. д. Но ведь нет! Утром сел в электричку и поехал на службу, до которой так и не добрался. Все на ушах стоят, все связи отработали, всех абсолютно трясут – никто не знает, что и как. На всех промежуточных станциях всех торговцев и кассиров опросили. Как сквозь землю провалился. По службе характеризуется положительно: благодарности, командировки на Кавказ и т. п.[4 - Информация взята: <http://www.storyroom.ru/ment/3819-people-vanish-in-russia.html> (<http://www.storyroom.ru/ment/3819-people-vanish-in-russia.html>)]...

И таких случаев много – десятки тысяч только по России. Неужели все они тоже...

Николай вздрогнул и... тут же получил по уху гибким шлангом. Лакуна уже стоял на ногах.

– Ты перестал контролировать обстановку, – негромко произнес он. Коля стиснул зубы и вскочил. А когда они уже спускались в крысиные тоннели, набрался-таки духу и спросил:

– А как я попал сюда, на свалку?

Старик пожал плечами, а потом нехотя ответил:

– Я не знаю. Возможно, ты просто не подошел. Скажем, анализ ДНК провели некорректно или позже выяснилось еще что-то. Так что от тебя просто отказались и отправили на утилизацию. А мусорный ковш, в который засунули твое тело, налетел на «скобу». Вот тебя и выкинуло.

Коля понимающе кивнул. Что такое скоба, он уже знал. Дело в том, что подавляющее большинство мусора на Сигари перерабатывалось. Органика, бумага, ткань, стекло, пластик – все, что представляло хоть какую-то ценность, шло в переработку. Открыто на свалку сбрасывался в основном строительный мусор. И, чтобы не вымереть от голода и холода, обитатели Трущоб время от времени устраивали, так сказать, несанкционированную разгрузку мусорных контейнеров, в которых отсортированный мусор отправлялся на переработку на нижние промышленные ярусы, расположенные гораздо глубже крысиных тоннелей. Они, по существу, также были этакой свалкой. Так уж оказалась устроена современная цивилизация на Сигари: основная масса людей здесь жила наверху. Жилые ярусы, на которых находилось не только жилье, но и забегаловки, рестораны, парикмахерские, магазины, бассейны, стадионы, парки и так далее, начинались на шестисотметровой высоте. Чем выше – тем более просторное жилье и больше парков, и тем дороже недвижимость. И так – до верхнего яруса, расположенного на двухкилометровой высоте и уже полностью открытого солнцу и небу. А вот промышленные предприятия размещались под землей, на глубине, начиная с трехсотметровой. Ну, чтобы не таскать далеко сырье и обеспечить более надежную защиту от вредных излучений промышленных энергогенераторов. А в промежутке между ними располагалась свалка... Так вот, жители Трущоб, которым для выживания было маловато строительного мусора, время от времени засовывали в обвеску пустых мусорных контейнеров, поднимающихся наверх за новой порцией мусора, гнутые арматурины, носившие общее название «скоба». Уж что-что, а строительной арматуры здесь валялось достаточно... Теоретически это должно было привести к тому, что контейнер при возвращении сверху, то есть уже будучи наполненным мусором, в определенный момент, при проходе через один из распределительных узлов, расположенных на высоте около семи-восьми метров над поверхностью свалки, перекашивало, и из него начинало высыпаться содержимое – еда, одежда, бытовая техника... ну как повезет. Практически же результат был непредсказуемым. Иногда срабатывало, иногда – нет.

– А может, тебя просто потеряли, – задумчиво продолжил старик. – В жизни иногда такие вещи случаются, что диву даешься. Никакому профессиональному сценаристу не придумать... – И он хмыкнул, похоже, какой-то своей мысли.

– И... чем это мне грозит? – с того времени как он попал в руки Лакуны, Ник несколько продвинулся в умении формулировать собственные мысли.

– Ничем, если успеешь поставить хотя бы бесплатную наносеть, – отозвался старик. После чего отрезал: – Все. Забыл. У нас – охота...

* * *

Быстро переодевшись в старый фирменный комплект, оставленный в шкафчике сменщиком, Ник накинул непромокаемый фартук и отправился к раковине, за которой работал. В принципе, в забегаловке использовалась одноразовая посуда, которую после применения следовало выкидывать, но владелец по имени гра Шолтисс экономил буквально на всем. Поэтому каждая тарелка, стаканчик либо столовый прибор, ежели они не были как-то повреждены клиентом в процессе использования, аккуратно очищались от остатков пищи и тщательно промывались горячей водой с мыльным составом, после чего пускались в новый оборот. По прикидкам Ника, Шолтисс, даже с учетом повышенного расхода воды и зарплаты посудомоя, экономил на этом до шестидесяти лутов в день. Ну а как известно – курочка по зернышку... И вообще для гра Шолтисса примером и кумиром был гра Стасино, также начинавший как владелец мелкой припортовой забегаловки, но в настоящий момент выбившийся в миллионеры. По слухам, он даже поставил своему первенцу и наследнику индивидуальную наносеть, хотя сам всю жизнь прожил с гражданской. Причем – первого уровня. Так это было или не так, Ник точно не знал, но слухи такие ходили очень упорно. Впрочем, если учесть, что число владельцев припортовых забегаловок, сконцентрированных вокруг космопорта Флинске и поблизости от планетарного лифта, достигало полутора тысяч, причем около пяти процентов из них ежегодно меняло своих хозяев, история гра Стасино, упорно шедшего к своим миллионам на протяжении тридцати лет и получившего-таки их, была скорее исключением из правил, чем чем-то иным. Причем, Ник сильно сомневался, что официальная история о том, что гра Стасино добился подобных успехов много работая, всемерно экономя и ведя абсолютно добропорядочный образ жизни, имеет хоть какое-то отношение к действительности. Впрочем, вероятно, в этом сомневались все. Во всяком случае, в последнем пункте – точно. Но вот насчет экономии на клиентах и персонале – в этом у большинства сомнений не возникало. Да, так и было. Ибо подобный подход характерен для всех хозяев забегаловок в припортовом районе...

Проверив раковину и наличие моющих средств, Ник взвалил на плечи пластиковый мешок с маринованным мясом и двинулся к очагу.

– Привет, Табек! – вежливо поздоровался он с поваром.

– О, привет, Ник! – улыбнулся тот. – Опять принес свой «барашка»?

– Да, – кивнул Ник. – Я положу тут?

– Конечно. Сегодня народу побольше, чем вчера, причем, похоже, в этом виноваты. Твой «барашка» многим пришелся по вкусу. Вот люди и приходят в твою смену.

– Может быть, – пожал плечами Ник. – А ты не видел гра Шолтисса?

– Он на веранде, – отозвался Табек. Ник благодарно кивнул и спросил:

– Я отойду?

– Иди, – кивнул в ответ повар, – но только ненадолго. Мытой посуды не так много, а ты сам знаешь, как Шолтисс ругается, когда мы начинаем использовать новую.

Гра Шолтисс нашелся именно там, где и сказал Табек. Он сидел в дальнем углу веранды и, судя по слегка расфокусированному взгляду, лазил по Сети. Ник подошел к хозяину забегаловки и остановился прямо перед ним. Это не вызвало никакой реакции. Конечно, существовала некая вероятность того, что гра слишком увлекся и не заметил подошедшего к нему посудомоя, но она была очень невелика. Скорее, он просто решил проигнорировать Ника. Но его этим было не взять.

– Гра Шолтисс, я бы хотел пересмотреть распределение прибыли от моего блюда.

Шолтисс выплыл из соединения и сфокусировал взгляд на Нике.

– Привет, Ник, уже пришел?

Ник молчал. Гра Шолтисс покачал головой:

– Ну, какой ты невежливый. Нет бы подойти, поздороваться, спросить, как мое здоровье, как здоровье моей жены, детей, племянников. Нет – подходишь, сразу же говоришь неприятные мне вещи, чего-то требуешь. Почему так?

Ник молчал. Гра вздохнул:

– Слушай, я не вижу, почему мы должны изменять условия заключенного между нами соглашения. Я и так пошел на риск, предоставив тебе возможность приторговать твоим блюдом у меня в заведении. У тебя же нет освоенных баз повара, и поэтому ты вообще не имеешь права готовить пищу на продажу. Я закрыл на это глаза. Ты пользуешься моим оборудованием, подаешь свое блюдо на моей посуде. По-моему, все справедливо.

Ник отрицательно качнул головой:

– Нет, не справедливо. Я готовлю блюдо из своего мяса. И я сам отыскал тех, кто рискнул его попробовать и кто стал его заказывать регулярно. Риск был только вначале и состоял сугубо в том, что блюдо может не понравиться посетителям. Сейчас его уже нет. Почти. Более того, Табек сказал мне, что люди начали специально приходить поесть мое блюдо. А поскольку они заказывают не только его – общая выручка заведения также растет. То есть, я приношу дополнительную прибыль. Поэтому я прошу изменить распределение прибыли от моего блюда.

– И как же?

– Я хочу получать шестьдесят процентов, то есть шесть лутов из десяти, а не как раньше – три.

– Вот как? – гра Шолтисс усмехнулся. – А если я закажу анализ ДНК мяса, что он мне покажет? То, что это действительно мясо некоего экзотического животного под названием «барашка», или... – хозяин забегаловки не окончил фразу, насмешливо уставившись на Ника. Землянин пожал плечами:

– Как я могу вам запретить сделать это? Вот только зачем? Если я говорю правду и это мясо барашка – вы только зря потратите луты, а если я вру, то... ну, как мне кажется, вашему заведению не слишком нужна такая слава, которая может появиться в этом случае.

Насмешливый взгляд гра тут же заледенел, но Ник раздвинул губы в примиряющей улыбке. Ну, так ему казалось. Он знал, что изменился после местного года, проведенного им вместе с Лакуной, но даже не догадывался, насколько.

– Послушайте, гра Шолтисс, я вас очень уважаю, и мне очень нравится работать в вашем заведении. Более того, я хочу сейчас решить этот вопрос раз и навсегда. Соотношение прибыли, о котором мы договоримся, более совершенно не изменится. Даже если мы, чуть позже, увеличим цену на блюдо. Сами видите, за прошедший месяц оно приобрело определенную популярность. И, как мне кажется, эта популярность дальше будет только расти. Давайте же договоримся и будем дальше вместе работать.

Ник замолчал. Гра Шолтисс некоторое время так же молча смотрел на своего посудомоя, которому он месяц назад разрешил угостить пару человек его родным национальным блюдом, а затем даже позволил ему готовить и продавать его, отдавая своему хозяину заведения семь лутов из десяти, которые стоило это блюдо. Шолтисс уже успел похвалить себя за то решение, (ибо блюдо обходилось ему дай боги в десятую часть лута с порции, вследствие того, что мясо и все необходимое для его приготовления этот посудомой приносил с собой), а также уже посчитать дополнительную прибыль за следующий месяц, за три месяца, за полгода и... представить, на что он ее будет тратить. И тут этот посудомой обломал весь кайф! Только за это он уже заслуживает наказания...

Для Ника же все мысли гра были, будто открытая книга. На самом деле Лакуна дал ему очень много. Ник только сейчас, постепенно, начал понимать, что же дал ему старик. Нет, насчет физической крепости, выносливости, координации движений и скорости реакции все было понятно. Во всем этом Ник продвинулся очень сильно. Причем сейчас, с высоты уже полученного опыта, он вынужден был признать, что едва ли не самым сильным фактором его быстрого продвижения было именно физическое воздействие старика на него. До тех пор, пока дома ему за невыученный урок или несделанную лабораторную грозили максимум «двойка» или «незачет», он особенно и не учился. Ну так, чтобы

только не выгнали и не сильно доставали. Ведь на свете есть множество куда более приятных и интересных вещей, чем занятия. А все эти разглагольствований насчет того, что надо хорошо учиться, что это непременно пригодится в жизни, Коля относил на вечный старческий нудеж. Старшие же вечно нудят: в школе и в автобусе, в магазине и в поликлинике. Все-то им не так – стоишь не так, идешь не так, очередь не там занял, и так далее. Ни хрена в современной жизни не понимают, они замшелые, а туда же, учить... Когда же за каждый свой промах он стал получать не нравоучение, а весьма чувствительный удар – дело сразу же пошло намного быстрее. Ник начал заметно прогрессировать. Да если бы тренер по сноуборду лупил его лыжной палкой за каждое падение, причем с той же силой, с какой это делал Лакуна, Николай бы, пожалуй, перестал падать на обычном склоне уже на второй день, а не через две недели, как это случилось на самом деле. Впрочем, скорее он бы просто бросил заниматься сноубордом. Да еще всем бы рассказывал, какой придурок и садюга достался ему в тренеры...

Так вот, Лакуна развивал в своем подопечном не только физические кондиции, но и многое другое. Он учил его концентрации внимания, сосредоточенности и умению контролировать окружающую обстановку, без чего их охота на крыс рано или поздно непременно закончилась бы трагедией. Как это частенько случалось в других командах охотников, в которых, бывало, весь состав полностью менялся в течение всего одного года. Хотя местный год был почти в два раза длиннее земного... А также он учил его понимать людей.

– Люди – вершина пищевой цепочки нашей цивилизации, Ник, – говорил ему Лакуна, – учись понимать их и манипулировать ими. Научишься – достигнешь того, чего захочешь. Нет – будешь прозябать, ругая сослуживцев, начальство, жену, правительство и соседей и пребывая в уверенности, что жизнь обошлась с тобой несправедливо. Но виноват в этом будешь ты сам.

– Но разве люди потерпят, чтобы ими манипулировали?

Старик хрипло рассмеялся:

– Ну, ты и сказал... Людьми, мальчик, манипулируют все и всегда. Вспомни, разве твоя мать никогда не пыталась манипулировать тобой, чтобы добиться того, чтобы ты сделал нечто, что, по ее мнению, было бы лучше для тебя? Или твоим отцом? А твоя девушка... ну ведь у тебя же была девушка, не так ли? Разве она никогда не пыталась манипулировать тобой? Например, используя слезы или

слова типа: «ты меня не любишь»?

Ник задумался. А действительно, он всегда считал, что живет так, как хочет сам. Ну, в рамках складывающихся обстоятельств. Но действительно ли это так? А если покопаться в памяти и вспомнить, как и под влиянием чего он принимал некие ключевые и не очень решения в своей жизни? Ну, типа, куда пойти учиться или в какой месяц подать заявление на отпуск в той фирме, в которой он подрабатывал сисадмином. Вот ведь черт, а ведь Леха Бушелев тогда его развел, как лоха, оставшись в кабинете вдвоем с Танюхой на целых две недели...

И вот сейчас Ник решил использовать один из таких уроков старика. Недаром тот говорил, что при общении с людьми ключевое значение имеет не то, что происходит на самом деле, а то, что люди думают о том, что происходит. То есть не сама правда, а то, что люди считают правдой.

– Я очень хорошо отношусь к вам, гра, – несколько вкрадчиво произнес Ник, – и очень благодарен вам за все, что вы для меня сделали. Поэтому я и решил сначала поговорить с вами.

– Что значит сначала? – насторожился Шолтисс.

– Я не согласился сразу, гра, – упрямо продолжал Ник, не отвечая на вопрос, – а решил спросить у вас.

Гра бросил обеспокоенный взгляд по сторонам. По обеим сторонам и напротив веранды сияли яркие вывески забегаловок, являющихся практически близнецами принадлежавшей ему... Ну вот, он так и знал! Похоже, этим действительно начавшим пользоваться популярностью блюдом посудомоя заинтересовался кто-то из конкурентов. И подкатил к Нику с предложением. А тот, идиот, приперся к нему... Хм, это меняет дело.

– Хорошо, Ник, я согласен. Давай договоримся так, как ты хочешь.

– Спасибо, гра, вы не пожалеете! – с этими словами Ник развернулся и двинулся в сторону кухни. На самом деле пока никто ему ничего не предлагал, но пара вовремя брошенных фраз принесла ему практически удвоение доходов от торговли шашлыком из крысиного мяса. Разговор этот назрел еще на прошлой неделе, когда Нику удалось за один вечер продать девять порций. Все, что он

тогда приволок с собой. Влет ушли. И популярность шашлыка только росла. Привлеченные слухами об этой экзотике, в заведение Шолтисса начали захаживать посетители, ранее предпочитавшие соседние забегаловки. Так что на самом деле повар не сообщил ему ничего нового, а просто предоставил повод сослаться на него. Впрочем, и повод был совсем не лишним... Так что Ник рассчитывал, что те пятнадцать порций, которые он приволок сегодня, уйдут за вечер полностью. А это должно было добавить на его счет девяносто лутов. Теперь уже девяносто. Немыслимые деньги по меркам Трущобы. Да что там Трущобы – техник в космопорту получает не больше сотки в день!.. И это вдобавок к тем восьмидесяти лутам, что он получил за поделки из кожи. То есть с учетом той десятки, что ему причитается как посудомою, за сегодняшний день Ник должен заработать сто восемьдесят лутов. А отработав смену, он спустится к себе и снова наловит крыс, обдерет их и замаринует мяса. Так что через два дня на его счет капнет еще приблизительно столько же... Да-а-а, похоже, жизнь начинает приобретать перспективу.

Ник улыбнулся своим мыслям и, спустившись с веранды, подошел к кристаллическому грилю. Там он раскрыл пластиковый мешок и принялся нанизывать на самодельные шампуры, которые хранил здесь же, на кухне забегаловки, кусочки мяса. Поставив шашлык готовиться, он вернулся к раковине, набрал в нее горячей воды, капнул жидкого мыла и подключил ультразвуковой очиститель, после чего начал загружать в ванну уже скопившуюся грязную посуду. От обязанностей посудомою его никто не освобождал.

Глава 3

Следующие несколько месяцев были наполнены рутинной. Ник сутки работал в забегаловке, после чего возвращался вниз, в Трущобы, и, перехватив несколько часов сна, выходил на охоту. Вернувшись с охоты, снова мариновал мясо, обрабатывал шкуры и время от времени подрабатывал у гра Агучо. После чего опять возвращался «наверх»... Кстати, его гонорар за съемку вырос до пятисот лутов. И все благодаря той цыпочке, которая расцарапала ему рожу во время их первой совместной съемки. К удивлению Ника, она не пошла по рукам, а, наоборот, выбилась в такие местные «звездочки». Нет, никакой особенной свободы девчонка не приобрела и продолжала не только сниматься, но и время от времени обслуживать гостей и даже, по слухам, самого гра Агучо, хотя тот

больше предпочитал мальчиков. Однако отношение к ней было весьма лояльным. Ей даже позволили гулять по Трущобам в сопровождении всего одного охранника. Более того, в окрестностях конур гра Агучо она иногда появлялась и без него. И еще ей купили новые тряпки взамен разорванных при первой съемке. Но Ника она так и не простила, вследствие чего каждая их съемка превращалась в настоящую схватку, иногда переходящую в драку. Так что рейтинги их роликов в Сети просто зашкаливали, вследствие чего гра и сподобился поднять Нику гонорар. Впрочем, это произошло только после того, как Ник отказался сниматься «с этой стервой». Но против удвоения гонорара он не устоял. Хотя теперь съемки часто проходили еженедельно и, вследствие того, что эта сучка отрывалась на нем по полной, причем не обращая внимания, что ей также прилетали оплеухи, а брал он ее так, что она частенько визжала от боли и разрывала зубами подушки, вызывали у него только отвращение. Это была не любовь, пусть и продажная, и даже не механический секс, коего ему было достаточно, а какие-то гладиаторские бои. Но лишние пятьсот лутов в неделю – это очень много. В конце концов, у него была цель...

Так что Ник вполне мог рассчитывать, что еще год-другой, и он решит первую из стоящих перед ним на пути к цели задач. Вследствие чего к моменту, когда его налаженная жизнь, которую освящала ясно осознанная цель и перед которой на данном этапе стояла вполне понятная и не слишком сложная задача, рухнула, на его счете скопилось уже почти тридцать две тысячи лутов. Но эта самая жизнь, как обычно, показала себя полной сукой, способной мгновенно разрушить все самые тщательно продуманные и разработанные планы...

В тот вечер Ник, как обычно, работал в забегаловке гра Шолтисса. К нему здесь все привыкли, но полностью своим он так и не стал. В первую очередь потому, что сам держал дистанцию. Это тоже был один из уроков Лакуны. Все время до своей гибели старик так же держал с ним дистанцию. Хотя то, чему он его учил, уже давно вышло за пределы подготовки даже самого качественного охотника на крыс.

* * *

Бесплатную наносеть Нику они поставили только через месяц после того памятного разговора. И за этот месяц Николай узнал очень многое из того, как устроена жизнь на Сигари, да и вообще в освоенной людьми части Галактики. Вечерами, после тренировок либо охот, Лакуна отвечал на его многочисленные

вопросы, временами приводя молодого землянина своими ответами в настоящий шок. Потому что многое, о чем старик рассказывал, очень сильно пересекалось с некоторыми фантастическими романами, которые Ник читал в Интернете. Настолько, что он даже решил будто авторы каким-то образом описали существующую реальность[5 - Автор с удовольствием читал сетевую серию «Шахтер» Игоря Хорта и фанфики на него – «Торгаш» Петра Викулова и «Аратан» автора с ником «Alb», опубликованные на Самиздате, и признает, что эти вещи оказали сильное влияние на данный текст. В первую очередь на то, что он вообще появился.]. Ну почему бы им не иметь контактов с инопланетянами, если его собственная история доказывает, что те присутствуют на Земле и, кроме того, довольно активны? Однако, как выяснилось чуть позже, действительность заметно отличалась от прочитанного, хотя по некоторым пунктам совпадение было просто поразительным. Например, кроме наносети, пусть и отличающейся во многом от описанной в этих романах, но самым своим наличием демонстрирующей поразительное совпадение с вымышленным миром, здесь также можно было усилить некоторые возможности человеческого тела и мозга специальными имплантами. Когда Лакуна рассказал ему об этом, Ник даже впал в некоторую оторопь. Потому что только ею можно объяснить его недоуменный вопрос насчет того, за каким чертом он тут столь болезненным образом тренирует реакцию, координацию, силу и все такое прочее, если можно установить имплант – и все. Лакуна тогда окинул его насмешливым взглядом, а затем предложил:

– Ну, иди, ставь, – а затем, уже через некоторое время после того, как Николай виновато замолчал, пояснил: – Дело не только в деньгах. Их можно заработать. Хотя даже до того момента, когда ты заработаешь достаточно для того, чтобы установить себе выбранную тобой наносеть и те импланты, которые посчитаешь необходимыми, тоже нужно еще дожить. И у тренированного охотника шанс на это куда как больше, чем у того бестолкового и ни на что не годного типа, каким был ты, когда я тебя встретил. Но даже если бы деньги появились прямо сейчас... Импланты вовсе не выводят человека на некий одинаковый для всех уровень, а улучшают то, что у него есть к тому моменту, как он их получает. Вот смотри, – Лакуна взял сделанный из переплетённых между собой арматурин наконечник охотничьей пики и воткнул его в рукоятку, изготовленную из толстой полый пластиковой трубки. – Ты можешь иметь такую пику. Или такую, – с этими словами он вытащил наконечник пики из трубки-рукояти и воткнул его в короткий обрезок такой же трубки, оставшийся после того, как большая часть трубки пошла на эту самую рукоять. – И с какой пикой ты будешь сильнее?

Коля понимающе кивнул. Черт, а ведь опять все здесь, несмотря на вроде как куда более продвинутые технологии, по большому счету так же, как и на Земле... Один заканчивает универ, имея в «загашнике» один-два, а то и три отлично освоенных иностранных языка, два-три года опыта работы по специальности, пару рекомендаций от солидных работодателей, к которым еще надо было умудриться устроиться, а то и еще какие-нибудь заработанные за пять лет обучения в универе, но помимо него, бонусы, а другой... диплом с «удами», слегка (или даже не слегка) посаженную печень и дважды леченный триппер. И кто кого потом, лет через двадцать, будет ругать, сидя в трениках с бутылкой пива на кухне «хрущобы», доставшейся в наследство от родителей, и разглагольствуя о том, что «Сашка, как в начальники выбился, так совсем знаться не желает, урод. А ведь в одной группе учились!»? Зато второму пять лет было весело...

А на следующий день Коля впервые забрался в движущийся вверх мусорный контейнер вслед за стариком, чтобы выпрыгнуть из него перед первой камерой очистки и первый раз в жизни зависнуть над свалкой на руках на высоте пятисот метров. Короче, именно тогда он впервые прошел тем самым путем, которым теперь Ник ходил каждые два дня...

Менеджер регистрационного центра встретил их волной высокомерия.

– Для трущобников есть регистрационный центр у шестого терминала, – процедил он.

– Мы знаем, – спокойно ответил старик. А Николай... нет, пожалуй, к тому моменту уже Ник. Ну не совсем, конечно. Ником он стал называть себя тогда, когда у него появилась цель. Настоящая, а не просто выжить. Но и Колей он к тому моменту быть уже практически перестал. Так вот, Ник окинул менеджера неприязненным взглядом, от которого тот слегка побледнел и напрягся, а Лакуна мягко взял ученика за руку, предостерегая от необдуманных действий... Впрочем, взгляд Ника принес и положительные плоды. Потому что когда менеджер вновь заговорил, в его голосе было куда больше любезности:

– Желаете пройти тестирование?

– Нет, – мотнул головой старик.

– Значит, будете ставить бесплатную наносеть, – на этот раз в голосе менеджера превалировали унылые нотки. Похоже, от результатов тестирования и, соответственно, уровня установленной наносети менеджеру шли какие-то бонусы.

– Да, – кивнул старик. – И еще мы бы хотели сразу после установки наносети открыть для молодого человека счет.

– Счет? – менеджер удивленно вскинул брови. Похоже, на его памяти такого не происходило никогда. Во всяком случае, с теми, кто устанавливал себе бесплатную наносеть. – Э-э, должен сообщить, что за открытие счета взимается плата в десять лутов, а для поддержания постоянного аккаунта в Сети, к которому будет привязан счет, необходима еще абонентская плата в три лута в месяц.

– Мы это знаем, – спокойно отозвался Лакуна, – но, насколько я помню, деньги возможно внести не сразу, а в течение месяца после открытия счета.

– Да, конечно, – кивнул менеджер.

– Значит, открывайте счет, – констатировал старик.

Установка бесплатной наносети произошла быстро и почти буднично. Ник разделся, нырнул в скрипящую и слегка скособоченную медкапсулу, стоявшую в задней комнате офиса, дверь которой была увенчана табличкой «медотсек», его залило слегка резковато пахнущим раствором и... очухался он уже мокрым и глядящим в потрескавшийся потолок. Так как крышка медкапсулы уже была вновь открытой.

А на следующий день Ник старательно и неумело принялся за обработку своих первых крысиных шкурок. Им надо было заработать за ближайший месяц как минимум тринадцать лутов. Причем, сделать это было необходимо не здесь, в Трущобах, просто обменяв те же шкурки на что-то эквивалентное, а «наверху», получив расчет на виртуальный счет. То есть, Нику нужно было найти или изготовить своими руками нечто, на что там, «наверху», был бы спрос...

Старик вообще оказался кладезем знаний и умений. Причем, в столь разных областях, что Ник, пытавшийся как-то систематизировать его возможности и на их основе догадаться, кем же Лакуна был до того момента, как попал на свалку, постоянно заходил в тупик. Уж больно в разных областях проявлялись эти знания. В какой-то момент Ник совсем уже решил, что Лакуна был неким спецназовцем, уж больно развитыми навыками выживания тот обладал. Но буквально в тот же вечер, когда Ник осваивался с недавно установленной наносетью и тыкался по разным сайтам, будто слепой котенок, пытаясь понять, как все здесь крутится-вертится, Лакуна выдал ему такой развернутый анализ экономики, что молодой землянин решил: никакому спецназовцу такое не под силу. И не потому, что они тупые. Просто насущные интересы спецназовцев лежат куда как в более далекой сфере. И еще он сильно сомневался, что у личного состава спецназа имеется так уж много лишнего времени, чтобы заниматься чем-то таким на подобном уровне, хотя бы как хобби. А Лакуна, между тем, посетовал, что бесплатная наносеть не дает возможности подключиться к каким-то там торговым площадкам и отслеживать текущие котировки «золотой сотни». А то бы он многое мог пояснить на конкретных примерах...

Именно тогда Ник и рискнул задать старику вопрос насчет того, кто он такой. Сначала Лакуна, усмехнувшись, промолчал, а затем, позже, вечером, когда они уже лежали у костра после окончания дневной тренировки, которые после установки наносети почему-то заметно прибавили в интенсивности, задумчиво произнес:

– Я был солдатом и пиратом, торговцем и мошенником, всеобщим любимцем и героем и презираемым всеми негодяем и подонком. Единственное, кем я не был... ну, или не был так давно, что уже и не помню иного, так это слабым. И желаю того же и тебе. Не быть слабым. А вот кем ты будешь – решишь сам.

И у Ника перехватило горло. Потому что он, похоже, получил-таки главный бонус попаданца, то есть заимел Учителя. Причем, тот готовил его не к какой-то там Великой Миссии Спасителя Всего Сущего, Врученной Ему Богами, а просто к жизни. Да, именно. Не к выживанию, а к жизни. Черт, ради этого стоило пережить все то, что ему выпало! Ибо на Земле встретить настоящего Учителя давно уже было практически невозможно. Ну, вот так вот развилась у нас цивилизация...

Впрочем, уже гораздо позже, когда Ник отошел от потери и смог поразмышлять над их взаимоотношениями со стариком на холодную голову, он понял, что на самом деле цели Лакуны в отношении его самого отнюдь не ограничивались только этакой вот благотворительностью. Были у него на Ника и какие-то иные планы, были... И именно к участию в этих планах он Ника и готовил. Вот только рассказать о них он так и не успел. А то и вообще не собирался, рассчитывая использовать парня втемную. И, надо сказать, ему бы это вполне удалось, потому как после того, что старик для него сделал, Ник буквально смотрел ему в рот...

* * *

Так вот, они уже заканчивали работу, посетителей в зале осталось всего трое, и один из них как раз заказал «шашлык из барашка», который Ник как раз и готовил. И тут наводящий порядок в своем хозяйстве Табек внезапно спросил:

– Слушай, Ник, а ты откуда?

Ник некоторое время молча ворочал шампуры, а затем нехотя ответил:

– С Земли.

Табек удивленно покачал головой:

– Никогда не слышал. Это в каком секторе?

– Не знаю, – покачал головой Ник.

– Это как? – удивился Табек.

Ник молча пожал плечами. Ему не хотелось говорить на эту тему, но послать Табека, как он сделал бы это с любым в Трущобах, тоже было неразумно. Ник здесь, в забегаловке, до сих пор, считай, на птичьих правах и портить отношения с кем бы то ни было – глупо. И уж тем более – с поваром. Встанет в позу, и плакали его доходы с шашлыков. А то и места посудомоя можно лишиться. Заработок, может, и невелик, но возможность легально находиться здесь, «наверху», – дорогого стоит. Хотя полной эта легализация, естественно,

не была. Для полной он должен еще быть зарегистрирован на уровне, а это возможно только в случае наличия жилья. Собственного или просто койки в ночлежке – неважно. Главное, чтобы было.

– Так ты что, не сам сюда приехал?

– Нет, – Ник мотнул головой, – у нас там вообще не знают, что в космосе есть еще обитаемые планеты.

– Как это, не знают?

Ник снова пожал плечами.

– Так у вас что, цивилизация еще на примитивном уровне?

Ник неопределенно повел плечом и, взяв с полки бутылку с дешевым вином пополам с уксусом, sprysнул шашлык, чтобы тот не подгорел. С крысиным мясом следовало держать ухо востро.

– А как же ты сюда попал? – не отставал Табек.

– Не знаю, – снова пожал плечами Ник. – Вышел на улицу, в университет собирался идти, поскользнулся, упал и... очнулся уже здесь, – он замолчал, перевернул шампур и продолжил: – У нас там вообще много народу пропадает без следа. Тысяч по пятьдесят в год, как я слышал. И никто не может сказать, куда. Исчезли – и все.

– А ты когда сюда попал – где очутился?

Ник криво усмехнулся и ответил:

– В Трущобах, – после чего снял пару шампуров с гриля, бросил их на тарелку, подхватил тубу с соусом «Н'яс», напоминающим вкусом кетчуп, скинул на тарелку несколько колец лука... ну ладно, тачкетто, но на вкус лук – как лук, и криво улыбнулся Табеку: – Ты извини, мне надо отнести...

Отнеся шашлык, он вернулся в кухню и увидел, что Табек что-то возбужденно рассказывает официантке Иссель. Для Ника – гресса Иссель. Парень криво усмехнулся. Ну вот, еще один кусок информации о нем ушел, так сказать, в народ. Вопреки предупреждениям Лакуны. Впрочем, тот также очень не рекомендовал врать напрямую. Мол, во-первых, легко запутаться, во-вторых, вранье многие просто банально чувствуют, да и вообще, вранье – глупость. И выгоды от него всегда мнимые. Хочешь чего-то скрыть – просто умеешь так повернуть разговор, чтобы тебя об этом не спросили. А если спросили – постарайся перевести разговор на что-то другое. У каждого человека есть темы, которые ему всегда приятно обсуждать, например, он сам, если еще ты покажешь ему, как ты им восхищаешься. Не получилось – отшутись или просто откажись отвечать. Но не ври. Дороже обойдется...

Но сегодня Ник слишком устал, чтобы поиграть темой разговора или придумать какую-нибудь шутку. Последние двое суток дались ему нелегко. Он едва не погиб в крысиных тоннелях, получив пару весьма болезненных ран, от которых страдал и сейчас, и почти не сумел отдохнуть, обрабатывая шкуры. Трущобы очередной раз испытывали его на прочность. Но деваться оттуда было все равно некуда. Хотя... он и сам был виноват. Его «шашлык из барашка» пользовался повышенным спросом, и Ник, пользуясь моментом наивысшего спроса, чтобы заработать, теперь старался добыть за одну охоту не четыре-пять крыс, как раньше, а шесть или, при удаче, семь. Вот и нарвался при возвращении. Пяток крыс суммарным весом в тридцать с небольшим килограммов ограничивали его подвижность, вполне допустимо для уровня его умений, а следующая пара, прибавившая к этим тридцати еще более десятка кило, похоже, сыграла свою роковую роль. Причем, дело было не только в весе, но и в том, что еще две крысиные тушки умещались в мешке с трудом, и поэтому его надо было держать двумя руками. Вот он и не успел вовремя перехватить пику. Хотя будь нападавших не три, а хотя бы две, то все бы обошлось. Точно. Бить крыс Ник уже наловчился так, что даже пара была ему почти не опасна. Да и две сразу встречались не так уж часто. Обычно крысы предпочитали охотиться в одиночку. А уж чтоб три – это вообще невероятная случайность, которую просто невозможно было предусмотреть.

Впрочем, Лакуна утверждал, что в конечном итоге мы всегда сами виноваты в том, что с нами случается. Даже если нам кажется, что наши беды пришли откуда-то со стороны. И Ник, после долгих размышлений, склонен был опять с ним согласиться. Ибо даже если это и не так на самом деле, все равно мы можем, как минимум, к ним подготовиться. Потому что ничто не обрушивается на нас неожиданно. Даже кирпич на голову с крыши. Ведь для того, чтобы

кирпич хотя бы попал на крышу, там должны происходить какие-нибудь работы. Ну, или сама крыша должна начать как-то разрушаться. А и то, и другое вполне можно заметить, если хотя бы чуть более внимательно смотреть по сторонам, вследствие чего быть настороже, подходя к опасному месту. А уж всякие там освобождения цен или дефолты вообще предупреждают о себе задолго до того, как все случится. Даже в том, давно прошедшем девяносто втором, в котором на страну рухнула беда под названием «отпуск цен», в каковой люди вроде как не были виноваты, к ней все равно имелась возможность как-то подготовиться. Ибо все случившееся совершенно не было по-настоящему неожиданным. Ну, для тех, кто доставил себе труд хотя бы оглянуться по сторонам. Все-таки за несколько лет до этого через все то же самое – дикую инфляцию, толпы челноков, рухнувшую реальную экономику – прошла та же соседняя Польша. Да и в девяносто восьмом почти всем, кто давал себе труд задуматься, было ясно, что рубль держится на волоске. Впрочем, для этого нужно было еще уметь осматриваться и иметь привычку задумываться. Хотя бы время от времени. Но ведь это тоже зависит от самого человека. В конечном счете...

Когда Ник домыл последние три тарелки и вышел в зал, чтобы слегка передохнуть, Иссель подошла к нему, неся в руках тарелку с «корабельным червем» – фирменным блюдом их забегаловки, представлявшим из себя нечто вроде люля-кебаба, но не из обычного фарша, а из сосисочного и гарнированного вареными бобами. На вид не очень аппетитно, но вполне вкусно. А что до не слишком вкусного названия и специфического внешнего вида, так посетителям забегаловки это даже нравилось. Ну, такой у местного пролетариата был юмор.

– Вот, Ник, поешь.

Землянин удивленно уставился на нее. Здесь он имел право есть бесплатно только то, что выгребал с тарелок, перед тем, как отправить их в мойку. Хозяину это было только на пользу – меньше платить за утилизацию. Любое же другое блюдо работник мог только купить, заплатив за него обычную для любого посетителя цену.

– Ешь, – Иссель подвинула ему тарелку, – с Табеком я договорилась. Если гра Шолтисс спустится, он скажет, что это была испорченная порция.

Ник благодарно улыбнулся и подвинул к себе тарелку. Его слегка знобило. Похоже, в одну из ран попала какая-то гадость. А обработки салфетками с антисептиком и фульфином, которые он после ухода за своими царапинами, полученными на съемках у гра Агучо, не выкидывал, а бережно складывал и оставлял как раз на такой случай, оказалось недостаточно. Других же медицинских средств у него в Трущобах не было. Поэтому работал он сегодня несколько медленнее, чем обычно, и очень многие из огрызков, которые он раньше попутно закинул бы себе в рот, на этот раз пришлось выбросить в мусор. Чтобы не притормаживать.

– А ты правда не знаешь, где твоя планета? – тихонько спросила Иссель, когда Ник уже заканчивал с «червем». Парень на мгновение прекратил жевать, посмотрел на официантку и отрицательно качнул головой.

– Бедный... – вздохнула Иссель, а затем заинтересованно спросила: – А правда, что у вас там еще нет орбитальных лифтов?

– Правда, – кивнул Ник.

– То есть, вы так и сидите на дне гравитационного колодца?

Ника эта фраза, вроде как совершенно неуместная в устах простой девушки, совершенно не удивила. Здесь она была тем, что в лингвистике называется «устойчивым словосочетанием». А вообще, после того как Нику поставили бесплатную наносеть, его знание языка не только сильно расширилось, но и появился еще один. Так называемый «общий». Хотя с ним не все было нормально. Поскольку «общий» Ник заимел через, так сказать, посредничество местного, сигарийского, многие такие вот «устойчивые словосочетания» воспринимались им через призму схожих земных идиом. Скажем, если бы Иссель произнесла «на дне гравитационного колодца» не на сигарийском, а на «общем», Ник, скорее всего, воспринял бы его как нечто вроде «в этой своей дыре» или даже «в полной жопе». Аналогично дело обстояло и с ругательствами...

– Ну... не совсем. У нас есть объекты на орбите. И довольно много. Хотя, конечно, гораздо меньше, чем у вас. И люди на орбите присутствуют практически постоянно, – он улыбнулся. Люди на орбите Земли действительно присутствовали. Человека три. Ну, или сколько там числится в экипаже МКС? А

иногда, если к станции прилетал американский «шаттл», их число вырастало аж до десятка... А если еще китайцы в этот момент запускали своих космонавтов, то общее число космонавтов/астронавтов могло и перевалить за эту очень весомую цифру... На фоне того, что, как Ник узнал из Сети, дневной пассажиропоток только через один местный лифт достигал пятидесяти тысяч человек, притом что в основном этот лифт использовался для доставки грузов, это было даже не смешно.

Иссель раздраженно нахмурила бровки. Она собиралась пожалеть бедного выходца с отсталой варварской планетки, а тут выясняется, что на самом деле там все не так уж отстало и печально. И что этот странный, но довольно привлекательный парень – вовсе не бежавший от врагов наследный принц варварской страны, рассекавший по родной планете верхом на животном и со шпагой на боку, а здесь потерявшийся в холодном и бездушном мире. Вот и верь после этого всяким сетевым сериалам!

* * *

До своей конуры Ник добрался в совсем плохом состоянии. Во рту было сухо, голова кружилась и жутко болела. О головной боли и головокружении говорил и Лакуна перед самой своей гибелью, но Ник тогда пропустил это мимо ушей. Тем более, что старик связал это с тем, что-де запустил собственные тренировки. Ник же с этим делом старался не расслабляться. Хотя времени было очень мало, минимум час на тренировку в день он находил. Да и сама охота возможностей для того, что Лакуна именовал «рваными скоростно-силовыми нагрузками» и в плане тренировок ценил очень высоко, предоставляла массу. Ну, еще бы: попробуйте полазать с весом в двадцать – тридцать килограммов на загровке по ведущим то вниз, то вверх тоннелям, заполненным мусором, кусками арматуры, битым камнем и так далее. Да еще регулярно то опускаясь, то поднимаясь по узким лазам с уровня на уровень и, время от времени, вступая в схватки с жутко верткими и невероятно живучими тварями. Но, как видно, нагрузка все ж таки была маловата. Вот и прихватило... Если, конечно, старик был прав и дело именно в ней.

Так что на охоту Ник так и не пошел. Только с трудом обработал шкурки и весь день просидел дома, мастеря из них кое-что, чего раньше не делал вследствие ограниченности времени. Если у тебя всего сорок минут, пока мусорный бак движется вверх, то тут не до изысков. А сегодня времени у него было много, а

что сил не слишком... так для работы с кожей их много и не требуется. Так что когда он на следующий день добрался до подъемника, в его карманах лежало нечто весьма необычное. А конкретно – фигурки зверей, связанные из тонких полосок кожи. Ему самому они очень понравились. Какие-то... трогательные, что ли, получились. Туристы на такое должны непременно клюнуть. Так что гра Шлиске сегодня придется раскошелиться. Вещи получились очень талантливо. Даже удивительно с его-то извечно кривыми ручками, в которых все вечно только ломалось. Ну, за исключением, естественно, всяких компьютерных деталюшек. С ними Ник был на «ты». А если гра не захочет, то... то Ник пошлет его в задницу. Несколько дней назад, когда он шел от гра, его окликнул владелец соседней лавки сувениров. И сладенько так поинтересовался, не желает ли уважаемый мастер продавать свои поделки и через его лавку? Выходит, они расходятся не так плохо, как вечно плачется этот жмот Шлиске. Так что если не получится договориться с ним, то есть, к кому обратиться. А Нику сегодня деньги очень нужны. Он же сейчас без шашлыка, а отступить от графика сильно не хочется.

Обходя первые три камеры по обвесу, Ник едва не сорвался. Голова вроде как прошла, но сил отчего-то совсем не было. А в четвертой его так скрутило, что он едва не потерял сознание. Еле выполз, а потом почти полчаса валялся у выходного люка, пережидая, пока утихнет боль, и отдыхая. Слава богу, сегодня он, как раз-таки имея в виду свое не очень хорошее состояние, вышел заметно пораньше, чем обычно, так что время было. Да что же это с ним творится-то?..

Гра Шлиске цену не дал. Встал в позу и так и стоял в ней, похоже считая, что Нику все равно деваться некуда. По большому счету, так оно и было. Ник здесь, «наверху», был никем. Здесь у него не было ни жилья, ни официальной работы. Гра Шолтисс предоставил Нику только статус «временно работающего» и именно поэтому, кстати, платил ему всего половину минимальной зарплаты. Будь он зарегистрированным работником – хозяину забегаловки пришлось бы выкладывать за каждую смену не меньше двадцатки. Но вот в данном конкретном случае... Лакуна как-то сказал, что все, что при разрешении конфликта выходит за пределы рационального, как правило, ведет лишь к новым проблемам. Так что Ник не стал бросать гра в лицо никаких презрительных или торжествующих возгласов или, там, громогласно заявлять, что он-де и без него не пропадет. А просто молча убрал поделки и, развернувшись, двинулся к станции монорельса. Та лавка, хозяин которой с ним заговорил, была как раз по пути.

– Эй, парень! Сто пятьдесят. И это мое последнее слово, – бросил ему в спину Шлиске, но, не дождавшись ответа, плюнул и захлопнул дверь. Ник едва заметно скривился. За обычные поделки Ника гра уже платил ему сто двадцать лутов, а средний доход от шашлыка в день работы составлял не менее ста шестидесяти, так как порция с недавних пор стоила не десять, а пятнадцать лутов, из которых на долю Ника приходились девять. И вот эти самые двести восемьдесят лутов он и собирался сегодня выручить за своих зверушек.

Хозяин другой сувенирной лавки также сразу цены не дал. Но стоило Нику сделать вид, что он-де еще не побывал у гра Шлиске и, если хозяин не согласится на его цену, просто пойдет к прежнему скупщику, как сделка тут же сладилась. И на его счет капнула желаемая сумма.

В забегаловке все было по-прежнему. Если, конечно, не считать того, что Иссель поприветствовала Ника улыбкой. Похоже, за ночь она себе чего-то там напридумывала и напредставляла и сегодня решила поподробнее расспросить чужака о его мире и о том месте, какое он в нем занимал. Ну и что, что он без шпаги, а в его мире уже вышли в космос? Если он там все равно принц – так это даже лучше. У принцев миров, находящихся на такой ступени развития, денег должно быть точно побольше, чем у тех, где до сих пор в ходу шпаги. Все девочки, с которыми она вчера по Сети обсудила столь захватывающую новость, дружно сошлись в этом факте. А три из них даже пообещали ближе к вечеру, когда у них закончится смена, подъехать к ней в забегаловку и посмотреть на этого таинственного варвара воочию. Снимки-то со своей сети Иссель им кинула сразу. И всем подружкам, ну буквально всем, этот таинственный незнакомец страшно понравился. Даже гордячка Клем и та бросила: «А ниче...» Так что Иссель сейчас ждала своего принца во всеоружии – в новом платье, чистом передничке и с тарелкой касвахей – мелких макарон с мясным фаршем и под грибным соусом. Отличное блюдо – сытное и недорогое. Не то, что его знаменитый «шашлык из барашка».

Но Ник есть не стал. Его мутило, и кусок в горло не лез совершенно. Он кое-как продержался до темноты, но с каждым часом молодому землянину становилось все хуже и хуже. Наконец, не выдержав, он повернулся к повару и тихо сказал:

– Табек, я выйду, подышу малёха. А то что-то мне совсем... – и, держась за стену, побрел к выходу.

Выйдя на улицу, Ник сел на ступеньки, привалился спиной к стене и... отрубился.

Глава 4

– ...сильнейшая интоксикация.

Ник открыл глаза и уставился на спину, обтянутую серо-синей тканью. Насколько он помнил, это был цвет форменной одежды медиков. Сам-то Ник с ними ни разу не встречался, бог миловал, но в Сети несколько раз натыкался на кадры с их участием. И в сериалах, и в новостях, и в местном аналоге «Дежурной части». Медик рядом с ним – это что, случайность? Или он в больнице?

Ник скосил глаза. Да нет, кажется, вокруг все тот же припортовый переулок, в котором расположена их забегаловка. Ну да, он вроде как вышел подышать и присел на ступеньки... но сейчас он на чем-то лежит и... голова. Да! Голова у него совершенно не болит. Да и слабость, похоже, прошла. А вот эта штука, от которой к его руке, ноге и шее тянутся какие-то тонкие трубочки, ему тоже знакома. Ну, относительно. Что это и как называется, он не знает, но видел в Сети. В тех же кадрах, что и медиков. То есть, это какая-то медицинская хрень.

Ник осторожно пошевелился. Обтянутая синим спина тут же исчезла, зато над ним склонилось лицо. Озабоченное и с бородкой. Пару мгновений это лицо пялилось на него, а затем строго спросило:

– Ну-с, молодой человек, и как это вы довели себя до такого состояния?

Ник пару мгновений размышлял над ответом, благо головная боль прошла и делать это теперь было не в пример легче, чем... ну чем какое-то время назад. Но никакого внятного ответа не придумалось. Поэтому он просто тупо спросил:

– До какого?

– У вас сильнейшая интоксикация. Причем, похоже, основная часть яда к вам в организм проникла не так давно. Буквально несколько дней назад. Иначе бы вы уже были мертвы. И пути этого проникновения совершенно ясны. Кто это вам так располосовал ноги?

Ник поморщился. Да, крысы его тогда сильно потрепали, но до сих пор это не доставляло никаких особенных проблем. Почему-то в Трущобах на Нике все заживало, как на собаке. Впрочем, он и дома никогда не обращал внимания на такую ерунду, как всякие царапины.

– И... что?

– А то, у вас в крови обнаружено гигантское количество соединений циклонафлевинов. Похоже, вы в них прямо купались. И где только нашли? Эти соединения в быту не используются, только в промышленности, например в парфюмерной – для промывки использованных флаконов для духов перед повторной заливкой, чтобы полностью устранить посторонние запахи.

Ну, с духами Ник дела не имел, а вот места, где промышленным способом устраняют запахи, посещал регулярно. Доктор, между тем, рассерженно продолжил:

– Не понимаю, вы что, не видели предупреждения наносети? Или просто не обращали внимания?

– Э-э, у меня она самая простая, доктор.

– Бесплатная, что ли?

Ник кивнул. Врач слегка изменился в лице. Пациент мог вполне оказаться неплатежеспособным. Очень неприятный факт.

– Доктор, – спросил Ник, – у меня последнее время сильно кружилась и болела голова. Это могло быть связано с...

– Естественно, – прервал его врач, отвлекаясь от своих не совсем приятных мыслей. – Типичная первичная реакция на отравление подобным типом токсинов. Тошнота, рвота была?

– Мутило, но рвоты не было.

– Хм, значит, вам повезло и мы приехали вовремя. Но положение все равно очень серьезное. Очень. Я бы рекомендовал вам пройти полную регенерацию. Это был бы лучший выход, – на последней фразе в голосе у доктора зазвучали нотки сомнения. И Ник сразу же догадался, чем это было вызвано, поэтому прямо спросил:

– А сколько будет стоить такой курс?

– Ну... если отталкиваться от вашего текущего состояния, курс полной регенерации обойдется вам в семнадцать тысяч лутов.

– Сколько? – ошеломленно выдохнул Ник. Врач усмехнулся:

– А что вы себе думали? Конечно, вы еще молоды, и общий ресурс организма, считай, на пике, но соединения циклонафлевинов обладают кумулятивным эффектом. То есть, не выводятся из организма, а постепенно накапливаются в нем. И, судя по их текущей концентрации в печени, у вас в организме они накапливались уже от одного до трех лет. Более точно сказать не могу, поскольку не обладаю данными о точной формуле и степени концентрации соединения, которое на вас воздействовало... И все это время соединения циклонафлевинов атаковали ваши клетки. Неудивительно, что ваш организм уже сильно поражен. И еще благодарите богов, что то, что вы нахватили в последние несколько дней, пока еще находится у вас в крови. Циклонафлевины в крови не очень активны, да и чистить кровь куда легче. Если бы тот объем, который вы имеете в крови, перешел бы к уже накопленному в органах выделительной системы – вы бы сгорели за пару месяцев.

Ник подавленно молчал. Вот, значит, оно как. Он-то считал, что создал отличный механизм по зарабатыванию денег, а на самом деле работал, в основном, «на таблетки». Врач же расценил его молчание по-другому. Ну, естественно, что он еще мог подумать про пациента с бесплатной наносетью?

– Не волнуйтесь, молодой человек. На самом деле в полной регенерации острой необходимости нет. Если вы, конечно, не собираетесь устраиваться на военную службу. Но в этом случае вам ее сделают бесплатно. Возможно. Если вы на тестировании покажете результат, который сильно заинтересует армию. Хотя, конечно, ваш долг военным это сильно увеличит... Но если нет – то для начала можно просто ограничиться очисткой печени, почек и весьма скромным

комплексом регенерирующих процедур. Все это будет стоить всего лишь около тысячи двухсот лутов. А таковой кредит вам станет доступным даже при установке гражданской наносети первого уровня. Даже с учетом того, что и саму наносеть вам установят в кредит. Более того, – врач окинул взглядом крепкую фигуру Ника, – вы, как я вижу, достаточно крепкий и неглупый молодой человек. Так что я даже готов вам посодействовать в том, чтобы вы получили место санитаря в нашей муниципальной больнице. Заработок не очень большой – около пятидесяти пяти лутов в день, но зато у вас время от времени будет появляться доступ к некоторым не очень дорогим регенерирующим процедурам. Знаете, бывает, что в картриджах остаются остатки растворов, которых точно не хватит на полноценную процедуру. И, чтобы не платить за их переработку, руководство больницы частенько позволяет сотрудникам использовать их для своих нужд. На полноценные эти процедуры, проведенные на остатках растворов, естественно, не тянут, но благотворное воздействие на организм, несомненно, оказывают. Хотя, конечно, санитарам такая возможность выпадает не более раза-двух в год. Но для вас и это будет немалым подспорьем. Сотен пять-шесть лутов каждая такая процедура вам точно сэкономит. А то и вообще платить не придется. Если покажете себя – довольно быстро станете медбратом, а там, кто его знает, возможно, и до младшего медтехперсонала дорастете. А это уже совсем другие возможности...

Угу, мрачно усмехнулся про себя Ник. Отличные возможности для восстановления здоровья. Десять местных лет – и ты снова как новенький. Вот только все эти «широкие возможности» откроются, если он установит себе гражданскую наносеть. Но у него-то другие планы. Нет, деньги на полную регенерацию у Ника имелись. Но потратить их сейчас – означало собственноручно отбросить себя едва ли не к самому началу пути. Да и тысяча двести лутов – это тоже, знаете ли, немалая сумма. Тем более, что, похоже, побочные заработки накрылись медным тазом. Если он не может проходить через четвертую камеру – на его работе здесь можно поставить крест. С вонюей свалки он наверху никому не нужен. Забыть про Трущобы и поселиться здесь? С бесплатной наносетью на хороший заработок можно не рассчитывать. Максимум, на что он может претендовать, – сорок лутов в день. Ночлежки здесь стоят от пятнашки в сутки, и это самые простые. Еда, одежда, мыльно-рыльные... на круг чистый доход выйдет максимум в десятку в день. И это еще если какая хворь не прихватит или не будет никаких травм. Так что без поделок из кожи и шашлыка зарабатывать больше десятки в день здесь не получится. Во всяком случае, Ник пока никаких возможностей для этого не видел. Но доступ к сырью для поделок и шашлыка у него после переселения сюда будет отрезан... Ну и сколько ему копить на инженерную наносеть? Десять здешних лет или

девятнадцать земных? О-отличная перспектива...

– Доктор, а если без этого... весьма скромного комплекса регенерирующих процедур?

Врач скривился, а затем наставительно воздел палец:

– На здоровье, молодой человек, экономить не стоит. Да и не слишком большая экономия получается. Чистить печень и почки все равно надо, потому что иначе ваш организм будет и далее отравляться уже накопленными соединениями. И это уже через год может привести к тому, что у вас начнут отказывать органы выводящей системы, а поражение мозга разовьется до такой степени, что у вас начнутся потеря координации движений, судороги и кратковременный паралич дыхания. Так что от чистки вам отказываться глупо. А ее лучше проводить биологически активными жидкостями, попутно осуществляющими и регенерирующее воздействие, почему я вам и предложил этот комплекс. Если же мы воспользуемся другим, бионейтральным комплексом, осуществляющим только очистку, без регенерации, ваша экономия составит всего лишь сто пятьдесят лутов, а эффект окажется втрое, а то и вчетверо худшим, – врач замолчал. Ник так же молча сидел, обдумывая его слова.

– Э-э, доктор, тут вас спрашивают.

Ник покосился в сторону, откуда раздался голос. Рядом с еще одним человеком в форменной медицинской тужурке, судя по всему, водителем медфлайера, который, похоже, и задал этот вопрос, стояла заплаканная Иссель. Ник тяжело вздохнул. Еще не хватало вляпаться в слишком близкие отношения с этой простушкой. Нет, покувыркаться разок-другой он бы с ней не отказался. Но с Иссель так бы не получилось. За время работы в этой забегаловке он успел достаточно хорошо изучить всех своих, так сказать, коллег. И потому прекрасно представлял все плюсы и, естественно, минусы того, если в затуманенных сетевыми сериалами мозгах Иссель его несомненно светлый образ сольется с еще более светлым и, прямо-таки, неземным образом Настоящего Романтического Героя. Нет, сначала-то все будет хорошо. Некоторое время. Он даже сможет сэкономить на жилье и, возможно даже частично, на питании, но довольно скоро практичная натура девушки возьмет верх... Ник уже давно вычислил принципы, которых Иссель придерживалась во взаимоотношениях с мужчинами. Если кратко, они заключались только в одном: мужики должны давать Иссель больше, чем они от нее получают. Всегда. То есть, ее не

устраивали никакие разовые или кратковременные связи. Ну, чтобы только пару раз доставить друг другу удовольствие и разбежаться без обязательств. Она признавала только более-менее серьезные и длительные отношения. Причем, прежде чем перейти к постели, Иссель умело раскручивала потенциального бойфренда на довольно крупные расходы, заставляя вложиться в нее в размере, примерно равном паре-тройке походов к официальным «жрицам любви». Духи, тряпки, походы в кафе уровнем попрличнее их забегаловки... Да и после перехода к постели расходы бойфренда на Иссель никак не уменьшались. Одним словом, Ник не сомневался, что, едва только в голове у девушки развеется романтический флер, которым она, возможно, окружила фигуру землянина (кстати, без каких бы то ни было телодвижений с его стороны), Иссель тут же попытается вернуть потраченное на него свое. А это означало, что за некие временные (причем, неизвестно еще, насколько длительные) предпочтения потом придется расплатиться с лихвой. Если даже не деньгами, то головной болью и проблемами на работе. А оно ему надо?

– Эй, парень...

Ник полуобернулся. Рядом с ним нарисовался медтехник, вставший так, что со стороны казалось, будто он просто проверяет реабилитационный комплекс. Ну да, судя по тому, что он видел в Сети, медики чаще всего ездили по трое: водитель, медтехник и врач.

– Что?

– Хочешь получить все то, что тебе тут док расписывал, но всего за триста лутов?

– За триста? Вместо тысячи двухсот?

– Ну да, – медтехник едва заметно улыбнулся.

– И как это возможно?

– А приходи сегодня вечером в нашу больницу ко входу для персонала. Я тебе схему кину по Сети. Если договоримся, конечно.

– И что там будет?

– Ну... видишь ли, все, что тебе рассказывал док насчет остатков жидкостей в картриджах, – правда. И у нас среди персонала есть кое-кто, у которого сегодня как раз его очередь. Но он готов уступить ее тебе за триста лутов.

– Хм, понятно, – Ник задумался. – А сколько будет стоить полная регенерация? Ну та, за которую док запросил семнадцать тысяч?

– Не, – медтехник с сожалением качнул головой. – С этим пролет. Не выйдет.

– Почему это?

– Так там на процедуру надо несколько суток и от трех до семи полных картриджей разной номенклатуры. Так что если хочешь ту – то там все только официально. А вот на очистку с биоактивными жидкостями того, что имеется в остатках, – хватит. К тому же мы заложим тебя в медкапсулу не на два часа, а на всю ночь. Почти до конца дежурства. Так что получишь бонусом еще процентов пятнадцать поверх стандартного результата процедуры. Соглашайся – не прогадаешь.

Ник задумался. В такой области у него еще не было никакого опыта. А ну как ребята слупят с него деньги, а введут какую-нибудь грязь? И все – кранты, спекся одинокий землянин. Они-то могут считать, что три сотни лутов – практически все имеющиеся у него деньги. У него же всего лишь бесплатная наносеть. Значит, по факту почти нищий, и искать никто не будет...

– А какие гарантии, что вы меня не кинете?

Медтехник бросил вороватый взгляд в сторону дока, все еще о чем-то разглагольствующего перед Иссель, чей взволнованный вид явно усиливал ее привлекательность, а затем дружелюбно осклабился.

– Да не волнуйся. С тебя же док уже снял медкарту? Ну вот. По окончании процедуры она будет снята еще раз. В медкапсуле это стандартная процедура. Сравнишь, убедишься и заплатишь. Деньги по результату – все честно.

Хм... вроде бы на таких условиях стоит рискнуть. Хотя риск того, что после оплаты его попытаются по-тихому перевести в раздел органических отходов, все равно оставался. Ну да там поглядим, как его уменьшить. А девять сотен лутов экономии стоят некоторого риска.

– Лады, договорились. Кидай схемку.

– Лови. Приходи где-то через час. За это время все подготовят. Да и док совершенно точно скоро попретя ужинать. Он у нас сторонник строгого режима. Самое время, чтобы все проверн... – медтехник резко оборвал речь и отвернулся.

– Ну, так что вы решили, молодой человек? Я не могу больше держать здесь флайер, – тут же раздался под ухом голос вернувшегося доктора. Разворачиваясь к нему, Ник скорчил самую печальную рожу, на которую только был способен.

– Извините, док, я... я еще подумаю. Я вам очень благодарен, очень, но для меня тысяча двести лутов – это слишком большие деньги.

– Ну-ну, молодой человек, – врач неодобрительно покачал головой, – смотрите, как бы не стало поздно. Ладно, с вас сто пятьдесят лутов за вызов флайера и первичные реабилитационные мероприятия.

Ник быстро сбросил платеж, дождался, пока медтехник отключит от него реабилитационный комплекс, и слез с носилок. После чего двинулся в сторону забегаловки.

– Ник, ты как, совсем плохо? – заботливо забормотала подскочившая к нему Иссель. Ник криво улыбнулся и тяжело кивнул:

– Да... гра, – повернулся он к стоявшему у входа в свою забегаловку Шолтиссу, – похоже, я сегодня не работник. Извините.

Тот недовольно поджал губы и, ничего не ответив, развернулся и вошел внутрь. Ну да, отсутствие Ника означало, что он теперь должен весь этот вечер использовать только новую одноразовую посуду. Это ж какой расход! Да и хрен

с ним... Иссель окинула Ника жалостливым взглядом и нырнула внутрь забегаловки. Работа есть работа. Ник же присел на корточки. Ему все еще было не совсем хорошо. Да и, судя по словам дока, хорошо быть ему никак не могло. Во всяком случае – до того момента, как он сподобится хотя бы очистить организм от той дряни, которая в нем скопилась. Ничего, посидит здесь полчаса да и двинется. Судя по скинутой ему медбратом схемке, до больницы минут двадцать ходу максимум. А пока надо решить, возвращаться ли в Трущобы, хотя бы для того, чтобы забрать оттуда вещи и несколько комплектов крысиной кожи, находящихся на разной стадии обработки, или ну его на хрен. С одной стороны – не помешало бы, а с другой – идти придется после очистки. То есть, после возвращения наверх у Ника в крови опять окажется какое-то количество той дряни из четвертой камеры. А она, как разъяснил док, из организма не выводится. И что тогда, так и жить с ней? На хрен, на хрен... А вот над тем, как здесь начать зарабатывать, не прибегая к ресурсам свалки, придется думать крепко.

Ник уже подходил к больнице, когда до него внезапно дошло, что в той нелепой смерти Лакуны, вполне возможно, тоже виновата интоксикация этой дрянью. Как ее там доктор именовал – соединения циклонафлевинов? Старик же несколько дней перед смертью жаловался на головную боль, головокружение и слабость. Но слабость он относил на счет растренированности. Мол, заниматься стал меньше, да на охоте всю основную работу делает Ник, а он только со стороны смотрит. Эх, Лакуна-Лакуна... Ник вспомнил, как крыса вцепилась ему в живот и начала выжирать кишки, а старик только орал и бестолково тыкал пикой, и скрипнул зубами. Знать бы раньше... А впрочем, наставник всегда говорил, что каждый умирает в свой срок. И выбрать можно лишь как и за что умирать. Все остальное – в руках богов...

Медтехник встретил его у задней двери. Ник еще загодя кинул ему сообщение о том, что подходит, на адрес, с которого ему пришла по Сети схемка.

– Пришел, – констатировал тот очевидное и мотнул головой вглубь коридора. – Ну, пошли. Готово все.

Они спустились в подвал и подошли к довольно массивной двери. Медтехник остановился и, судя по расфокусировавшимся на мгновение глазам, сбросил кому-то сообщение по Сети. Спустя несколько секунд тихо щелкнул замок, и дверь распахнулась.

– Заходите, – негромко произнес женский голос.

– Привет, Слея, – ухмыльнулся медтехник. – Вот, это тот парень, который готов занять твоё место за триста лутов. Все, как мы и договаривались.

– Этот? – встретившая их женщина была похожа на мечту шейха. Длинные черные волосы, огромные глаза под пушистыми ресницами, роскошные грудь и бедра, обтянутые приталенным комбинезоном так туго, что он, казалось, вот-вот лопнет. Она ничем не напоминала земных моделей типа «палка», наоборот, её даже можно было бы обозвать жирной. Но это определение ей могла бы дать только какая-нибудь завистница, поскольку, на взгляд любого мужчины, оно было бы совершенно несправедливым. Мужчины бы, скорее всего, охарактеризовали её словосочетанием «роскошное тело».

– Что, парень, слюни пускаешь? – ухмыльнулся медтехник. – Втяни. Такая цыпочка не для нас. Слея себе цену знает. Если у тебя нет на счете дежурных ста тысяч лутов – можешь и не подходить.

Женщина же окинула его пренебрежительным взглядом и мотнула головой:

– Давайте за мной.

Они прошли в дальний конец блока, в котором стояло четыре медкапсулы. Три – очень напоминающие ту, которая стояла в офисе, в котором они со стариком устанавливали ему наносеть, но, похоже, более новой серии и в гораздо лучшем состоянии, а третья – раза в два массивнее.

– Тебе повело, парень, – произнесла женщина, останавливаясь как раз у последней. – Это медкапсула интенсивной реанимации. Я уже было потеряла надежду, что ребятам удастся найти покупателя, и все подготовила для себя. Так что эффект от процедуры будет еще процентов на десять – двенадцать больше, чем от обычной. Цени.

– Я оценил, – негромко отозвался Ник, – спасибо.

Услышав его голос, женщина неожиданно вздрогнула и впилась глазами в лицо Ника.

– Эй, парень, а ты откуда?

– А это имеет какое-то значение? – недовольно пробурчал Ник. Женщина недовольно нахмурилась: похоже, она не привыкла к тому, чтобы ей перечили. Но отчего-то сдержалась и только коротко приказала:

– Раздевайся.

Ник послушно стянул с себя одежду. От стыдливости он избавился еще в первый месяц пребывания в Трущобах. Трудно, знаете ли, ее сохранять, если ты постоянно ходишь голым перед незнакомыми мужчинами, женщинами, детьми, стариками и старухами. Да не просто ходишь, а еще и дерешься, получая от них пинки, удары и укусы.

Аккуратно сложив одежду, он поднял голову и уставился на женщину, впившуюся глазами в его «хозяйство». Подождав несколько секунд, Ник недовольно спросил:

– Так ты откроешь капсулу или так и будешь на меня пялиться?

Слея оторвала взгляд от того места, где бедра Ника сходились в одну точку, и, чему-то торжествуя улыбнувшись, кивнула:

– Ну конечно, красавчик, залезай!

Судя по разинутому рту медтехника, никогда ранее Слея такого пристального внимания к бедным бродягам не проявляла.

* * *

Пробуждение оказалось для Ника довольно приятным. Он медленно выплыл из сна и некоторое время лежал, мягко обдуваемый струями теплого, даже немного горячего воздуха. И чувствовал он себя просто невероятно хорошо. Куда как лучше, чем когда бы то ни было с того момента, как попал в этот мир. Ничего не болело, все тело казалось легким и воздушным, и вообще хотелось орать и прыгать, заливаясь смехом от охватившего Ника ощущения счастья. Но в

следующее мгновение подала свой голос воспитанная Лакуной паранойя. Ему что, ввели какой-то наркотик? Уж больно не характерные для Ника эмоции его охватили. В этот момент раздался мягкий щелчок, и крышка медкапсулы мягко пошла вверх. И сразу же над ним нависла голова Слеи.

– Ну, как мы себя чувствуем, красавчик?

– Что ты мне ввела? – с трудом задал вопрос Ник, еле пробившись через охватившую его эйфорию. Женщина рассмеялась, причем не столько весело, сколько, этак, призывно, возбуждающе. Или он из-за своего состояния просто так воспринял ее смех? На кой ей его возбуждать-то? Зачем ей нищий бомж с бесплатной наносетью?

– Не волнуйся, это обычная реакция. По окончании процедуры эта медкапсула стимулирует работу гипофиза, что приводит к повышению содержания в крови эндорфинов. Это сделано для того, чтобы вырабатывать у людей положительные эмоции от контакта с медициной.

– А наркоманом от этого не станешь?

– Ну, если будешь приходить сюда каждый день и вместо меня сливаться в экстазе с этой симпатичной капсулой, то такая опасность существует! – рассмеялась женщина. Черт, она его точно завлекает! Да что происходит-то? Судя по словам медтехника, которыми он охарактеризовал эту Слею, Ник никак не мог бы стать объектом ее интереса. Она что, имеет возможность влезть в его наносеть и просканировать ее? В принципе, в Сети встречались упоминания о том, что в случае критических повреждений медикам может быть предоставлен доступ к медкарте пациента и его общим личным данным типа возраста и имени, но при этом всегда утверждалось, что это максимум, на что они способны. Да и то – лишь потому, что медкарта-де специально хранится очень отдельно от всех остальных личных данных и, опять-таки, специально сконфигурирована так, чтобы при выполнении определенных трижды проверенных и продублированных процедур она могла бы быть открыта даже без позволения пользователя. Остальное же – табу даже для спецслужб. Впрочем, в последнее Ник не особенно верил. Однако то, что истерия по поводу всеобщего доступа к личным данным по-прежнему оставалась уделом ограниченного числа маргиналов, кои существовали, существуют и будут существовать всегда, давало хоть и косвенные, но вполне приемлемые гарантии того, что тайна личной информации худо-бедно соблюдается. Да и даже если бы

Слея добралась до его счета, он все равно не должен был стать объектом ее истинного интереса. Если верить медтехнику, то финансы Ника, хотя и представляли весьма солидную сумму с точки зрения обладателя даже гражданской наносети, все равно составляли максимум треть от нижнего уровня ее запросов. И почему такое отношение?

– Уже вылез?

Ник повернул голову. В бокс вошел вчерашний медтехник. Он окинул Ника цепким взглядом и удивленно цокнул языком:

– Ты гляди, как огурчик! Нет, Слея, все-таки ты настоящий мастер. Парень выглядит так, будто прошел трехсуточный курс частичной регенерации.

– У него хороший организм, – с легкой усмешкой отозвалась Слея, – почти совсем не изношенный, и вообще на пике. Только травленный слегка. Ну да этого одной такой процедурой не устранишь. Хотя подлатала я его действительно неплохо.

– Ладно, парень, пришло время расплачиваться. Медкарту смотрел?

– Нет еще, – мотнул головой Ник и поспешно вызвал перед глазами две медкарты: вчерашнюю, составленную доктором, прибывшим по вызову, и ту, которую сняла с него медкапсула. Да, изменения состояния были вполне наглядны. Треть пиктограмм, ранее имевших бледно-желтый и даже оранжевый цвет, теперь изменили цветовую гамму – часть их окрасилась в благородный зеленый, оранжевый исчез совсем, а желтый во многих местах потускнел и превратился в желто-салатовый.

– Хм, отлично. Если будут еще подобные предложения – готов продолжить сотрудничество. Кому перечислять?

– Мне, – отозвался медтехник и спустя мгновение кивнул, – принял. Ну что, Слея, мы двинулись? Парня надо вывести из больницы до начала рабочего дня.

Женщина молча кивнула, но когда Ник выходил за дверь бокса, послала ему такой многообещающий взгляд, что тот даже не знал, что и думать. Она явно намекала на то, что не прочь завязать более близкое знакомство, но Ник по-

прежнему не мог понять, чем вызван такой интерес к его персоне. А ведь Лакуна накрепко вбил в его башку правило, гласившее: «Непонятное – опасно».

– Что же касается дальнейшего сотрудничества, – продолжил между тем затронутую тему медтехник, ведя его по коридору к задней двери, – то это вряд ли. Мы и сами себя не прочь подлатать. Сам знаешь, парень, нижние уровни – это не то место, где можно долго оставаться здоровым. Это только Слея может себе позволить продать процедуру налево. Она вертит главврачом, как хочет, и потому может регулярно позволить себе даже полную стандартную процедуру.

– Главврач ее тоже, – Ник подмигнул, – того?

– Не без этого, приятель, – усмехнулся медтехник, – не без этого. Слея у нас горячая женщина... Но это так, побочно. Просто у нее есть друзья там, – медтехник ткнул вверх указательным пальцем. – Она, знаешь ли, баба очень умная и практичная и просто виртуозно выбирает, с кем спать, а кого динамить. Главврач знает, что для него будет не слишком разумно испортить с ней отношения, и потому идет ей навстречу очень во многом. А быстрый секс на рабочем месте – это так, попутно. Для его собственного душевного равновесия. Слея, как я тебе говорил, баба умная и умело пользуется тем, чего у нее не убудет, для создания атмосферы сотрудничества. Но если ты протянешь руку к хотя бы одному ее луту – берегись, откусит вместе с рукой. Да и медтехник она действительно классный, – собеседник Ника тихонько вздохнул, – я перед ней так, любитель. Так что тебе очень повезло, парень, поверь мне, очень... – с этими словами он распахнул перед Ником дверь на улицу.

– Да я что, я благодарен, честно, – пробормотал Ник и замер. Потому что ему по Сети пришло короткое сообщение. Оно гласило: «Выйдешь на улицу – поверни налево и двигайся в этом направлении шесть кварталов. Потом остановись и жди».

Интересно, кто же это у нас тут раскомандовался? В принципе, кандидат был только один. Но Ник по-прежнему не мог даже предположить, чем же он ее заинтересовал...

Немного поломав над этим голову, землянин, как и было сказано в сообщении, повернул налево и двинулся, куда указано. Особой опасности от новой знакомой он не ощущал, а разобраться с загадкой было бы полезно. Да и никаких

неотложных дел у него также не было. У него их вообще не было. Ну, кроме как найти жилье и разобраться с работой. Регистрация на этом уровне, осуществляемая автоматически при заселении в любую ночлежку и обретении им тем самым легального статуса, сразу же выводила Ника из того полуподпольного статуса, которым он обладал. И гра Шолтисс теперь был бы вынужден платить ему не менее минимальной зарплаты. Вследствие чего хозяин забегаловки вполне мог прийти в расстроенное состояние духа и вообще вышвырнуть Ника на улицу. Впрочем, особенно печальной эта новость все равно не являлась. Обладая легальным статусом, Ник вполне мог претендовать на заметно больший заработок в тридцать, а то и сорок лутов в день. И он все равно планировал заняться поиском подобного заработка. Просто чуть позже и не бросая имеющуюся работу до тех пор, пока не найдет новую. Но если события ускорятся – ничего страшного. Просто появится больше свободного времени на поиск нового трудоустройства. Теоретически вообще можно было просто разместить объявление в Сети и потом выбирать среди поступивших предложений. Но только не в случае с бесплатной наносетью. Наличие в рабочем резюме данного пункта сразу же ставило крест на этой идее. Предложений просто не будет. А вот при личном общении дело обстояло не так категорично...

До указанного перекрестка Ник добрался очень быстро и, оглядевшись по сторонам, занял позицию у угла ближайшего дома, продолжая размышлять над своими перспективами. Самым большим препятствием была бесплатная наносеть. По существу, это и не сеть вовсе, а так, всего лишь терминал доступа в Сеть, не обладающий почти никакими возможностями. Даже стандартные базы под нее не подходили, и ее обладатели пользовались специально адаптированными. Вернее, нет, и стандартные подходили тоже. Вот только их изучение осуществлялось в режиме реального времени. Например, стандартная база повара первого уровня, включающая в себя информацию объемом в сорок часов реального времени, с помощью гражданской наносети первого уровня изучалась всего за пять часов. А вот обладающим бесплатной наносетью на это требовались те же сорок часов, как если бы это происходило в реале. Небольшим бонусом было то, что две трети времени изучения можно было провести во сне, но треть материала все равно требовала для освоения режима бодрствования, причем не просто бодрствования, но еще и сосредоточенности и внимательности. И это кроме практической отработки внедренных навыков. Все же остальные наносети позволяли усваивать во сне всю базу, требуя только практического освоения навыков. Так что большинство обладателей бесплатной наносети не заморачивались изучением баз и получением какой-либо профессии, предпочитая устраиваться в жизни менее затратными и напряжными способами.

Да и денег, необходимых для покупки баз даже начального, первого уровня, у большинства таковых просто не было. А с другой стороны, все это вместе как раз и определяло крайне низкую стоимость тех, кто имел бесплатную наносеть на рынке труда... Но Лакуна все равно заставил Ника изучить с помощью бесплатной наносети несколько не очень объемных баз первого уровня, типа «Розничной торговли», «Общегражданской юридической» или «Всеобщей истории». На что пришлось потратиться, поскольку эти базы стоили от трехсот до пятисот лутов. Но зато Ник разобрался с принципами изучения баз. В «EVE ONLINE»-то с этим все было просто. Покупаешь, ставишь на изучение, а когда истечет потребное для него время – тебе просто открывается новая ветка улучшений. Здесь же все было гораздо сложнее...

– Ждешь, красавчик?

Если честно, подлетевший флайер Ник заметил уже давно. Уж слишком яркая была машина. Впрочем, он отслеживал все подлетающие флайеры. Да и не только их. Лакуна выдрессировал его очень неплохо, поэтому когда ситуация развивалась непонятно, Ник просто инстинктивно этак ощетинивался и становился куда более настороженным, чем обычно. А он и обычно был заметно более внимательным и недоверчивым, чем подавляющее большинство людей. Но этот флайер он выделил. Частью потому, что после того, как он приземлился в десятке шагов от Ника, из него так никто и не появился, а частью – инстинктивно. Просто почувствовал, что этот – именно то, что он ждет.

– Да, Слея, все как ты и просила.

– Хм, – женщина хмыкнула и приглашающее указала на сиденье рядом с собой. – Прокатимся?

– Если ты так хочешь, – радушно улыбнулся Ник. – Я тебе очень благодарен. Тот... ну кто со мной договаривался, он рассказал, как сильно мне повезло.

Слея расплылась в хищной улыбке и интригующе произнесла:

– Ха, красавчик, ты даже не подозреваешь, как! – после чего рывком бросила флайер вверх, прямо к нависающему над головой следующему уровню. – Есть хочешь?

Ник вздрогнул и удивленно прислушался к себе.

– Ну... да. Только я не...

– Знаю, – махнула рукой Слея, – после медкапсулы всегда жрать хочется просто дико. У тебя эти ощущения были смазаны эндорфинами, но к настоящему моменту те должны были уже расщепиться. И сейчас ты готов умять быка, не так ли?

– Где-то так, – согласился Ник.

– Тогда как насчет составить даме компанию на завтраке?

Ник смущенно улыбнулся:

– Ну... дело в том... что...

Женщина расхохоталась:

– Не волнуйся, я прекрасно знаю, что у тебя бесплатная наносеть. Так что сегодня угощаю я.

Ник благодарно улыбнулся, старательно пряча насмешку. Этой женщине чего-то от него надо, и она уже выстроила нужную линию поведения с ним. Вот пусть ей и следует. А мы пока посмотрим, подумаем, а где-то и подыграем. Например, так: Ник раздвинул губы в очень характерной улыбке, которую отлично натренировал, снимаясь у гра Агучо, и произнес таким многообещающим тоном:

– Я готов расплатиться с прекрасной госпожой любым удобным для нее способом.

Слея хмыкнула, но взгляд, брошенный на Ника, был столь же многообещающим...

Ресторан, в который привезла его Слея, был расположен на три уровня выше того, на котором располагалась забегаловка Ника и муниципальная больница, и оказался самым роскошным из тех, которые землянин до сих пор здесь видел. Учитывая и Сетевые ролики. Потому что если не учитывать их, то Ник вообще пока не видел здесь ни одного ресторана. Да и кто б его в них пустил? Во-первых, ресторан располагался на открытой террасе, с которой открывался роскошный вид на местный космопорт и отстоявший от него километров на пятнадцать планетарный лифт. Путь «наверх». Мечта каждого жителя Сигари.

Как Ник знал из Сети и рассказов Лакуны, основная промышленность здесь, как правило, располагалась не на поверхности, а наверху (опять наверху!), в космосе. Нет, и на планете также было многое. Вероятно, суммарный объем производства на поверхности Сигари, или, как тут говорили, «на дне гравитационного колодца», был не менее, а, скорее всего, раза в три-четыре более, чем на Земле. Но производство на поверхности давало всего где-то одну пятую часть суммарного ВВП системы. Остальное производилось «в пространстве». Обработка руд, добытых в поясе астероида, изготовление сплавов с заданными свойствами, выращивание чистых кристаллов в условиях невесомости, сборочные предприятия, верфи, гидропонные оранжереи и многое-многое другое. Там, наверху, была своя жизнь. Причем жизнь, по большей части, обеспеченная. Ну, по планетарным меркам. Ибо из двенадцати миллиардов населения Сиагри внизу, на дне колодца, жило и работало десять, на которые, как уже упоминалось, приходилась всего пятая часть ВВП, а на два «верхних» миллиарда – четыре пятых. Конечно, распределение доходов было не столь уж прямо пропорциональным. В конце концов, подавляющее большинство людей более комфортно чувствует себя именно на поверхности планеты: людям нравится видеть небо, иметь возможность купаться в море, разоблачаться и подставлять свое тело ласковым лучам светила, то есть делать то, что доступно только здесь, на дне гравитационного колодца. Поэтому большинство тех, кто имел достаточно денег, как минимум какую-то часть времени все равно проводили здесь, внизу. А вот их деньги по большей части крутились там, наверху. И какая-то толика этих больших денег все равно доставалась пашущим там же, наверху, простым работягам. Так что попасть наверх, вырваться со дна гравитационного колодца было голубой мечтой почти любого сигарийца или сигарийки. Ну, или, как минимум, четырех из пяти (поскольку, если считать и богачей, доживающих свой долгий век на каких-нибудь личных островах, а также пенсионеров, вернувшихся в орбиты на поверхность, одна пятая и так могла себе это позволить). И Ник – тоже. Потому что это позволило бы ему приблизиться еще на один шаг к его цели...

– Сам будешь заказывать или позволишь сделать это той, которая здесь уже бывала? – с легкой улыбкой спросила у него Слея. Ник, у которого, едва только они сели за столик, тут же всплыло сообщение, содержащее меню, улыбнулся в ответ и широким жестом молча показал, что готов полностью подчиниться ее инициативе. Слея благосклонно кивнула и, похоже, буквально через минуту скинула через Сеть заказ.

Завтрак был просто роскошен. Как это все здесь называлось, Ник не знал, но ближайшими земными аналогами поданных блюд были свежайшие креветки, приготовленные на гриле, устрицы, крабы, икра, ламинария, артишоки, к которым полагались соусы, щедро сдобренные имбирем, хреном и чесноком. Поначалу, почувствовав запах чеснока, землянин заколебался, предполагая, чем закончится их несколько поздний завтрак, и не желая смущать будущую возможную партнершу столь резким и сильным амбре. Но затем, увидев, что его соседка по столу увлеченно поглощает все принесенное, махнул рукой. В конце концов, если у обоих дыхание будет шибать чесноком одинаково, то какая разница? А чуть позже до него дошло, что чеснок... да и вообще все заказанное, скорее всего, по примеру их земных аналогий, являлось, или, как минимум, считалось афродизиаками. Так что его подозрение о том, чем вскоре продолжится их со Слеей встреча, практически превратилось в уверенность. Вот только причин, по которым такая женщина внезапно вспылала к нему страстью, он до сих пор понять не мог. И это его по-прежнему напрягало. А ну как дамочке нужно как-то насолить очередному любовничку или возбудить в нем приступ ревности? Она-то, скорее всего, вывернется, чай, опытная, а вот ему под горячую руку может неслабо прилететь. Вплоть до летального, если этот самый, который должен вспылать, достаточно обеспечен, чтобы нанять громил с военными имплантами. Нет, совершенно беззащитным Ник себя не считал, в конце концов, опыт охотника на крыс никуда не делся. Но что такое модификант с военными имплантами, он представлял себе хорошо. Как и то, что против подобного типа он не продержится и минуты... Впрочем, вариант с приступом ревности он считал маловероятным. Не с его одежкой. Он и здесь-то, на этой террасе, ловил на себе о-очень брезгливые взгляды. Но его соседку по столу они отчего-то только смешили.

Они уже заканчивали с десертом, когда со стороны космопорта донесся гул двигателей взлетающего корабля. Ник знал, что таким способом на орбиту и вниз доставлялось всего около двух процентов грузов и не более пяти – пассажиров, но все равно, зрелище впечатляло. Тем более, что он его вживую еще ни разу не видел. Ни со свалки, ни с первого уровня взлетное поле космопорта не просматривалось, а выше он никогда и не поднимался. Так что до этой минуты

Ник видел взлет космических кораблей только на роликах Сети. Хотя и они произвели на него впечатление. Знание, что ты видишь не компьютерную графику, а старт реального корабля, заставляло реагировать на увиденное совершенно по-другому, чем на схожую теле-, кино-или компьютерную картинку дома.

– Слея, а ты бы хотела подняться наверх? – тихо спросил Ник. Не столько даже потому, что его действительно волновал этот вопрос, сколько как отзвук своих мыслей и мечты... Ну, и чтобы попытаться чуть больше узнать о Слее. Та в ответ рассмеялась:

– Нет, зачем мне это? Я люблю небо, море, теплый песок, сок, только что выжатый из плода, еще несколько минут назад висевшего на ветке дерева. Туда, – он ткнула вверх десертной ложечкой, – стремятся те, кто не смог хорошо устроиться здесь. А я смогла.

Ник понимающе кивнул. А что тут скажешь? Все так и есть.

– Ну что, как тебе наш завтрак? – улыбнувшись, спросила женщина, когда они покончили с десертом. Ник закатил глаза в восторженной гримасе и выставил вперед сжатые кулаки, каковой жест служил здесь аналогом поднятого большого пальца.

– Желаешь еще что-нибудь?

– Нет, – рассмеялся Ник. – Я и так уже чувствую себя будто свеженатянутый барабан. На моем животе уже можно играть военные марши.

Слея легко рассмеялась оригинальному сравнению, а затем поднялась на ноги и поманила его за собой. Хотя до сих пор Нику не приходилось бывать в подобных заведениях, но он знал из разученной базы «Розничной торговли» и по работе в припортовой забегаловке, что вызвать официанта и заказывать счет нигде не требуется. Все происходит через Сеть. Однако знание – это одно, а привычка – другое. И он первые пару шагов следовал за женщиной в некотором недоумении и с опаской, ожидая сердитого окрика вследствие того, что они не расплатились.

Жила Слея неподалеку от того ресторана, в котором они завтракали. Но здание, в котором находились ее апартаменты, находилось уже не на открытом пространстве, примыкавшем к космопорту, а в глубине уровня.

Она припарковала флайер на открытой площадке своего этажа, выбралась наружу и молча двинулась вперед, даже не обернувшись. Как будто была уверена, что Ник обязательно последует за ней. Впрочем, так и было.

Дверь ее апартаментов распахнулась еще при приближении хозяйки. Что это было, обмен паролями с замком через Сеть или быстрое, на ходу, сканирование сетчатки, либо чего-то еще – Ник не понял, да и не слишком над этим задумался. Поскольку мучавшая его загадка, похоже, вплотную приблизилась к своей разгадке... Открыв дверь, Слея чуть притормозила, так что они вошли в квартиру почти вплотную друг к другу. И, едва только за спиной Ника послышался легкий шелест закрывшейся двери, Слея резко развернулась и уставилась на спутника пылающим взглядом. Ник замер, а потом медленно поднял руки. Но не успел он взять ее за плечи, как Слея резко вздрогнула всем телом, и ее одежда с легким шелестом опустилась на пол, оставив ее совершенно голой. После чего она торжествующе усмехнулась и прошептала со страстью в голосе:

– Ну же, Золотоглазый, покажи мне, на что ты способен!

Ник хрипло рассмеялся в ответ. Так вот оно что! А он-то голову ломал. Да она, похоже, смотрела его ролики в Сети. Недаром она узнала его не столько по лицу, сколько по голосу, фигуре и, хм, «хозяйству»... Нет, ну надо же, какая темпераментная женщина эта Слея! Судя по тому, что ему рассказал медтехник, у нее нет отбоя от поклонников, но она не только успевает удовлетворять всех, но еще и мастурбирует над порнороликами. Все ж таки как был прав Лакуна. В жизни иногда такие вещи случаются, что диву даешься!

Глава 5

– Кассили, Ник? – с улыбкой спросила его пробежавшая рядом официантка.

– Да, Тесеа, – отозвался он, присаживаясь за столик. Кассили именовался напиток, чем-то похожий на кофе. Причем, действием, а не вкусом. На вкус он больше напоминал некую соковую смесь на основе лимона, но пился как кофе, горячим. Первое время Ника этот момент слегка напрягал, но затем он привык.

Он жил у Слеи уже третий месяц. Во время первого секса он выложился по полной, задействовав весь арсенал, который освоил во время съемок у гра Агучо. И это, похоже, позволило удовлетворить все тайные мечты женщины, которым она предавалась, мастурбируя во время просмотра его роликов. Женщины вообще во многом живут в мире грез. Впрочем, если брать сугубо сексуальную сферу – мужчины в этом от них недалеко ушли. Ник еще на Земле слышал короткий анекдот, очень точно иллюстрирующий этот тезис: «Бедные Бред Питт и Анджелина Джоли... – Почему это? – Так ведь им во время секса и представить-то некого!» Вот только часто бывает, что столкновение с предметом мечтаний в реальности приносит отнюдь не восторг, а разочарование. И во время первой встречи Ник изо всех сил постарался, чтобы этого не произошло. Судя по тому, что Слея продолжала терпеть его присутствие в своих апартаментах уже два с лишним месяца, ему удалось ее не разочаровать. Более того, все это время она, по существу, содержала его. Во всяком случае, все, что было сейчас на него надето, куплено именно на деньги Слеи, а что касается питания, то после Трущобы Нику вполне хватало одного полноценного приема пищи в день, когда они со Слеей вечером закатывались в какое-нибудь кафе или ресторанчик. Это происходило именно вечером, либо до, либо после дежурства Слеи. Более того, она даже сделала ему временную регистрацию в своих апартаментах, поскольку без этого было невозможно предоставить Нику возможность заходить внутрь без личного присутствия рядом с ним хозяйки. Но Ник понимал, что так уж долго это не продлится. Он был для Слеи только игрушкой, тешащим самолюбие эпизодом жизни, и не более. Никаких более-менее длительных отношений она с ним не планировала, ибо он отстоял слишком далеко от того уровня, человек которого мог бы устроить эту женщину в качестве достаточно длительного партнера. Причем он, Ник, еще и был настолько туп и упрям, что совершенно не собирался ничего менять в своей жизни, а предавался несбыточным мечтаниям. Ведь предложила же она ему помочь с установкой седьмого уровня гражданской наносети. Были у нее связи, позволившие бы сделать это, даже если бы на тестировании он показал бы не совсем отвечающие этому уровню параметры. А седьмой уровень – это очень неплохо. У нее самой стоял пятый, а у главврача – шестой. Так что перспективы перед Ником в этом случае открывались просто великолепные, но он уперся в эти свои фантазии. Инженерная, инженерная... Ну глупость же несусветная! Эх, какие же мужики непрактичные. Вот есть то, что, считай, само идет в руки, – значит, надо брать и радоваться. Так нет же – все

переиначат, перевернут, поставят с ног на голову...

Так что Ник был даже несколько удивлен, что их отношения затянулись так надолго. Он рассчитывал не более чем на пару недель, а они продолжались уже третий месяц. Более того, когда он некоторое время назад поинтересовался, не поможет ли она ему найти какую-нибудь работу, Слея тут же пробила по своим каналам и смогла найти ему место, на котором готовы были прилично платить и не кривили губы насчет бесплатной наносети. Вернее, может быть, и покривили, но отказать Слее не решились. Правда, для того, чтобы получить это место, Нику пришлось купить и освоить пару баз – «Бытовую электронику» и «Промышленную электронику» первого уровня, а также пообещать непременно освоить устанавливаемые при поступлении на работу «Малые энергетические установки» первого и «Промышленную электронику» второго уровня, что с его бесплатной наносетью требовало, по представлениям местных, просто героических усилий. Но Ник, привыкший получать и усваивать знания с помощью лекций, семинаров и лабораторных работ, а не разучиванием баз во сне, со всеми этими практически неодолимыми для местных условиями справился. И сегодня ему предстояло пройти практикум по уже изученным базам и сдать зачет на допуск к самостоятельной работе. После чего он должен был получить место младшего ремонтника в компании «Тажик», занимавшейся обслуживанием энергетических установок, с зарплатой шестьдесят пять лутов в день и с перспективой после разучивания загружаемых в кредит баз вырасти до обычного ремонтника. Что, в свою очередь, должно было увеличить его дневной заработок еще на пятнадцать лутов. Но и шестьдесят пять лутов в день уже создавали некий запас прочности и даже позволяли откладывать на будущее лутов по тридцать. И это уже с учетом страховки, которой у Ника пока что не было. Хотя против тех двухсот восьмидесяти лутов дохода при полном отсутствии расходов, на которые он вышел перед тем, как его скрутила интоксикация от соединений циклонафлевинов, это никак не тянуло. Но Ник не расстраивался. В конце концов, если из заработанного вычесть уже потраченное на восстановление здоровье, а также еще предстоящие расходы, на ту же регенерацию, скажем, ежедневный доход окажется как бы даже и не меньше. Короче, все получилось как при грабеже. Вроде как денег срубаешь много, легко и по-быстрому, да еще и крутым себя чувствуешь. Вот только если разделить полученный доход не только на время, затраченное на грабеж, но еще и на время неизбежной последующей отсидки – средний заработок получается куда как меньше, чем даже если бы ты получал какое-нибудь пособие по безработице...

Допив кассили, Ник поднялся, привычно скинув оплату через Сеть, и двинулся к станции монорельса. До будущей работы ему надо было проехать три станции. Десять минут по местным меркам.

Практикум Ник одолел быстро. Если честно, нового во всей разученной базе для него было только процентов десять, а все остальное знакомое, хоть и с некоторыми вариациями. Но вариации трудностей не вызвали, даже наоборот. Так, например, вариация в практических действиях при замене батарей состояла в том, что у местных батарей любой номенклатуры, даже круглых, непременно имелась некая деталь корпуса, препятствующая их установке неправильным образом – выступ, скос, выемка. Были особенности и в обжиме клемм, и при замене блоков, но, в общем, ничего такого, чего Ник в том или ином виде не делал еще на Земле, тут, считай, не было. Поэтому и зачет он сдал практически молниеносно, заметно улучшив свое реноме в глазах старшего техника, поначалу принявшего Ника с бо-ольшим предубеждением.

– Мне плевать, парень, с кем ты там договорился, – прямо заявил он ему при встрече, – но ежели ты не сдашь мне все, как положено, – работать ты не будешь. У нас работа опасная, мы часто имеем дело с сильными токами и высокими напряжениями, и я не хочу, чтобы кому-то из моих парней поджарило задницу только из-за того, что какой-то красавчик с бесплатной наносетью подлизался к некой бабенке из менеджеров. Понятно?

На самом деле все обстояло как раз наоборот, и это бабенка подлизалась к кому-то там, но просвещать старшего техника в этом моменте Ник совершенно не собирался. Ибо сказано в Библии: «во многом знании многая печали». А печалить старшего техника Нику сейчас было совершенно не надо. Так что пусть пребывает во тьме невежества... Поэтому Ник просто четко и без запинки ответил на все вопросы старшего техника, а на закуску собрал ему несколько «силовых жгутов». Старший техник только хмыкнул и спросил:

– У тебя что, уже третий уровень освоен?

Ник ответил ему честно-недоуменным взглядом. Третий уровень баз любого направления включал в себя порядка двух тысяч часов информации, а зачастую еще и порядка нескольких сотен часов отработки практических навыков и стажировки. То есть, если считать по земным меркам, практически курс хорошего техникума. Что, при возможностях изучения, предоставляемых Нику его бесплатной наносетью, было совершенно нереальным делом. Старший

техник, похоже, забыл о том, что у Ника именно такая, а после взгляда нового работника вспомнил и слегка смущенно ухмыльнулся:

– Ладно, допуск я тебе даю. Можешь с завтрашнего дня выходить на работу.

Ник вызвал через свою сеть «личку» и удовлетворенно кивнул, увидев, что его статус дополнился записью о том, что он теперь числится в зарегистрированных работниках, и то, что в таблице изученных баз еще одна из них окрасилась зеленым. По, так сказать, бытовым базам никаких зачетов сдавать не требовалось, и они становились зелеными сразу по окончании разучивания, а вот уровень освоения баз, которые давали допуск к какой-либо профессии, непременно требовалось подтвердить. И только после подобного подтверждения они считались уже окончательно освоенными, что и удостоверялось изменением окраски строки с названием этой базы в личном списке имеющихся баз на зеленую.

– А пока спускайся на четвертый этаж, в методический центр нашей компании, где тебе поставят базы второго уровня. В кредит, парень, – старший техник наставительно воздел палец. – Так что старайся. Если тебя вышибут из «Тажика» пинком под зад, потом долго будешь расплачиваться. У нас компания авторитетная, так что с нашей «черной меткой» и твоей бесплатной наносетью хрен тебя кто еще на работу возьмет.

Ник понимающе кивнул. «Черной меткой» на местном жаргоне называлась отметка об увольнении по негативным причинам. Кроме того, подобное увольнение снижало рейтинг социальной адаптации, а низкий рейтинг закрывал доступ к некоторым товарам, базам и возможности устроиться на работу по ряду профессий. Даже при наличии необходимых баз и сданных допусках.

Место с громким названием «Методический центр», на взгляд Ника, очень сильно напоминало бокс, в котором он впервые встретил Слею, хотя было куда более запущенным... Здесь так же стояли несколько медицинских капсул. Впрочем, оно и понятно. Когда должностные обязанности, табели и инструкции по технике безопасности изучаются прямой загрузкой в мозг и последующим разучиванием во время сна, методический кабинет будет выглядеть именно так и не иначе.

– Привет, – дежурно улыбнувшись, поздоровался Ник с мужиком, сидевшим за пустым столом, взгромоздив на него ноги, обутые в тяжелые ботинки с ребристой подошвой, больше подходившие для путешествия по каким-нибудь диким местам, чем по уровням города, – я новенький, меня прислали, чтобы установить необходимые базы.

Мужик окинул Ника ленивым взглядом, со смаком зевнул и мотнул головой в сторону капсул:

– Иди, ложись. Какой уровень?

– Чего?

– Ну, сеть какого уровня?

Ник усмехнулся ожидаемой реакции и, придав голосу максимум безразличия, произнес:

– Бесплатная.

Мужик дернулся и уставился на него, вытаращив глаза.

– Гонишь?

Ник молча пожал плечами. Лицо мужика прорезала усмешка:

– И ты смог базы выучить? Ну, силен... Вот только второй уровень ты будешь учить полгода, не меньше. И через нашего Ухорылого все равно хрен прорвешься.

– Ухорылого?

– Ты ему зачет на допуск сдавал, – пояснил мужик, и Ник понял, что это негласное прозвище старшего техника. Странно, тот не показался ему таким уж сильно придирчивым. Строгий – да, но не более. И когда увидел, что Ник, так сказать, фишку сечет, – не стал дальше докапываться. Впрочем, возможно, у мужика были со старшим техником какие-то свои трения...

– Ладно, ныряй уж. Загружу быстро.

В отличие от больницы, здесь полностью раздеваться не требовалось. И никакого раствора внутри медкапсулы также не было. Так что Ник скинул верхнюю одежду и улегся внутрь капсулы, после чего мужик закрыл крышку и... спустя мгновение Ник снова открыл глаза. Сразу же после этого щелкнула крышка, и над ним склонилась заинтересованная рожа мужика.

– Слышь, приятель, судя по тряпкам, у тебя деньжата водятся?

Интересный заход, усмехнулся Ник. Подождем, что последует дальше. Он молча кивнул, начав одеваться. Мужик переминался рядом.

– Так это, хочешь базы пошустрее изучить?

– А что? – нейтрально отозвался Ник.

– Ну... есть вариант.

– С бесплатной наносетью?

Мужик тяжело вздохнул:

– Да, это засада. Тут многого не сделаешь, – но затем кинул на Ника хитрый взгляд, – хотя и тут можно кое-что придумать, – вкрадчиво произнес он и замер, ожидая реакции.

– И что же? – спросил тот безразличным тоном, продолжая спокойно одеваться.

Мужик вздохнул:

– Ну... а может, гражданскую себе поставишь? По-быстрому. У меня тут приятель есть – он тебе скидку даст. Хорошую. Не пожалеешь. А уж потом все просто клево будет. Я тебе подберу медикаментозный разгон, капсулу предоставлю. Базы летать будут!

Ник отрицательно покачал головой:

– Нет.

– Ну, – мужик пожал плечами, – попробовать-то надо было... – после чего замолчал и молчал все то время, пока Ник не оделся и не двинулся к двери. И лишь когда он уже взялся за ручку, произнес крайне унылым голосом:

– А как насчет ускорения изучения баз при твоей наносети?

Ник остановился и развернулся к мужику:

– А что, есть возможности?

– Ну... – мужик задумчиво воздел очи горе. – Кое-какие есть. Но не бесплатно, конечно.

Ник досадливо сморщился:

– Это ясно. Излагай.

И мужик пустился в пространные объяснения, из которых выходило, что с бесплатной наносетью работать дико трудно, но кое-какие возможности ускорить изучение баз все равно имеются. При удаче – даже процентов на тридцать. Ну, то есть, если у Ника имеется достаточно высокий интеллект. И если он вечерами и ночами, вместо того чтобы пить пиво с приятелями и кувыраться с девочками, будет приходить сюда, платить мужику за использование медкапсул и всю ночь торчать здесь. Судя по тому, каким унылым тоном мужик ему все это рассказывал, он и сам не верил в то, что Ник согласится на такое.

– Так, мужик, теперь давай конкретно. Какой уровень базового интеллекта нужен, чтобы при моей наносети я хотя бы заметил ускорение изучения баз?

– Ну... сто тридцать, минимум... – все так же уныло отозвался мужик. Ник усмехнулся про себя. Здешних тестов на интеллект он ни разу не проходил, но знал, что нижним уровнем интеллекта, при котором ставилась гражданская

наносить, считались шестьдесят единиц. А шестой ее уровень, на который, как говорила ему Слея, Ник может спокойно рассчитывать, требовал ста двадцати единиц. Сам же Ник считал, что покажет и больше. Все-таки технология освоения баз и отсутствие в связи с этим системы длительного и последовательного очного обучения изрядно затрудняли развитие способностей к обучению и интеллекта у местных. Оный, как и мышцу, следует долго и тщательно тренировать. Во многом для чего, кстати, в школьную программу и входят разные не слишком практичные предметы типа химии, астрономии, биологии или физики в куда больших, чем достаточно для ознакомления, объемах. Именно для развития способностей к обучению и усвоению нового, а также для тренировки интеллекта. А поскольку здесь, вследствие построения системы обучения на основе технологии загрузки баз знаний прямо в мозг, ничего подобного нет, подавляющее большинство населения, на взгляд Ника, точно интеллектом не блещет. Даже на фоне земных работяг. Эх, все познается в сравнении! И хотя быть ему тут местным «таджиком» (с таким-то названием корпорации), наши, земные таджики на фоне тех же трущобников смотрелись просто Эйнштейнами, блин. Да и большинство работяг, с которыми Нику пришлось пересекаться во время работы в забегаловке, напоминали «тупых америкосов» из задорновских реприз. Так что, по его прикидкам, местная единица измерения интеллекта должна была «весить» куда меньше земной. И, следовательно, существовала большая вероятность того, что первому условию он соответствует.

– Ускоряется обучение баз только во сне или весь комплекс?

Мужик сначала обалдело уставился на него, а затем звонко засветил себе ладонью по лбу.

– Блин, я и забыл, что у вас еще и этот гемор! Нет, – он довольно улыбнулся, – все ускоряется. Скажу больше, парень: объем того, что необходимо разучить в бодрствующем состоянии, при использовании моих «крошек», – и он любовно погладил стенку ближайшей капсулы, – уменьшается почти в два раза. Классный бонус! – и он расплылся в довольной улыбке, а глаза сверкнули столь алчно, что Ник решил слегка убавить его энтузиазм.

– То есть, ты считаешь, что я ради вот этих крох буду торчать тут ночами, вместо того чтобы отдыхать после работы? Ты что, парень, считаешь, что я мечтаю о карьере старшего техника энергетических сетей, достигнувшего этого великого поста не меняя бесплатной наносети на что-либо более приличное?

Алчный блеск в глазах мужика погас, и он тяжело вздохнул:

– Ну... мое дело было предложить. В конце концов, чем быстрее сдашь базы, тем быстрее получишь прибавку к зарплате.

Ник громко расхохотался.

– Ладно, – произнес он, успокоившись, – проехали. А вообще молодец, зачетная попытка развода на бабки. Но вот ты мне скажи, ну просто, чтобы поржать: сколько ты собирался с меня слупить? Ну, если бы я был полным лохом и согласился?

Мужик окинул Ника унылым взглядом и, вздохнув, буркнул:

– Да пошел ты...

– Нет, ты скажи, – не отставал от него Ник. – Ну, просто интересно. Сколько?

– Я тебе сейчас рыло начищу! – заорал мужик.

Ник успокаивающе вскинул руки:

– Все-все, ладно, не кипятись. А давай так: я вот сейчас напишу на... – он покрутил головой. И где тут можно написать? Ни клочка бумаги и, уж тем более, никаких пишущих принадлежностей. Зачем они цивилизации, в которой каждый может создать в Сети любой необходимый ему текст, рисунок или даже объемную картинку и скинуть ее по Сети другому? – О, вот здесь... ну и пылища! Я вот сейчас здесь напишу, сколько, по моему мнению, стоит вся та туфта, которую ты мне тут впаривал. И если ты угадаешь цифру, то... – Ник сделал паузу, многообещающе улыбнулся, – клянусь, я куплю у тебя эту услугу. Вот честно, – после чего Ник зашел за одну из капсул и написал на ее пыльном боку цифру. После чего перевел взгляд на мужика.

– Итак?

Тот молчал и сверлил его яростным взглядом. Ник поощряюще кивнул. Мужик прищурился, облизал губы, шумно втянул воздух через ноздри и хрипло пролаял:

– П... пять лутов.

– Та-да-да-дам! – взревел Ник, вздымая руки в торжественном жесте, после провел рукой по поверхности капсулы, стирая написанную цифру (на самом деле там было написано десять, но мужику об этом знать не следовало), и подошел к методисту, который зло смотрел на него.

– Тебя как зовут?

– Крес.

– Не ссы, Крес, – улыбнулся Ник, – ты выиграл. У тебя будет пять лутов.

Тот довольно осклабился. То ли так любит деньги, то ли просто доволен тем, что выиграл. А возможно, дело и в том, и в другом.

– Скинь адрес. Как только я решу, что сегодняшнюю ночь лучше провести с тобой, а не с подружкой, – сразу же тебе сообщу.

И улыбка тут же сползла с лица Креса, а взгляд снова стал унылым. Да, он выиграл, но когда он получит этот свой выигрыш – одни боги знают.

– Слышь, а может, ты мне сразу скинешь пятерик? А когда тебе потом понадобится поучить базы, я и...

– Нет, – отрицательно мотнул головой Ник, – извини, приятель, у меня принцип: утром деньги – вечером стулья.

– Чего? – обалдело спросил Крес, к общему стыду всей этой цивилизации, явно не знакомый с бессмертным творением Ильфа и Петрова, но Ник послал ему загадочную улыбку и вышел.

* * *

До башни, в которой были расположены апартаменты Слеи, он добрался уже вечером, пробежав по разным этажам «Тажика» еще пару часов. Сначала требовалось лично доложить старшему технику о приеме баз, потом пробежаться на склад, получить рабочую одежду и инструменты, затем спуститься в раздевалку и сложить все в выделенный ему шкафчик. Потом дожидаться возвращения бригадира той бригады, в которую он был определен, и представиться ему. Короче, обычная предрабочая суeta. И, слава богу, здесь не требовалось еще посещать бухгалтерию, отдел кадров и все такое прочее, через что пришлось бы пройти, трудоустраиваясь Ник на Земле. Здесь все это проходило через Сеть.

Слеи он дома не обнаружил, хотя по времени она должна бы уже вернуться. Ник попытался связаться с подругой через Сеть, но ее аккаунт оказался заблокирован. А когда он, решив дождаться ее дома, попытался проникнуть в апартаменты, дверь отказалась ему повиноваться.

Если честно – он все понял сразу, и не ушел только лишь потому, что хотел окончательно расставить точки над «і». Нет, никаких иллюзий насчет того, что еще можно что-то изменить, Ник не строил. Просто Слее он надоел. Женщина взяла от их связи все, чего хотела, и теперь снова возвращалась к своей привычной жизни. В которой ему рядом с ней места не было. Впрочем, никакого сожаления он тоже не испытывал. Эта связь его так же уже начала тяготить. Нет, умом Ник понимал всю ее полезность и прагматичность, но ощущать себя альфонсом... от этого комплекса он, до конца, так и не избавился. Хотя Лакуна утверждал: все, что приближает тебя к твоей цели, – допустимо и полезно, а что отдаляет – глупо и бестолково. Да и в сексе Слея была просто великолепна. Но...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Местный легкий наркотик наподобие бетеля.

2

Акрофобия – боязнь высоты.

3

Высшие структуры власти США сплошь пронизаны родственными связями. Например, один из самых известных американских президентов, Франклин Делано Рузвельт, состоял в родственных отношениях аж с одиннадцатью своими предшественниками на этом посту.

4

Информация взята: <http://www.storyroom.ru/ment/3819-people-vanish-in-russia.html>
(<http://www.storyroom.ru/ment/3819-people-vanish-in-russia.html>)

5

Автор с удовольствием читал сетевую серию «Шахтер» Игоря Хорта и фанфики на него – «Торгаш» Петра Викулова и «Аратан» автора с ником «Alb», опубликованные на Самиздате, и признает, что эти вещи оказали сильное влияние на данный текст. В первую очередь на то, что он вообще появился.

Купить: <https://tellnovel.com/roman-zlotnikov/zemlyanin>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)